

VII.

ЭПОХА „ФРАНКОВЪ“.

Время, когда эфиопское царство не разъ бывало на краю гибели, подвергаясь съ одной стороны, опасности быть стертымъ съ лица земли мусульманами и галласами, съ другой— потерять религиозную самобытность и попасть въ духовное рабство къ Риму, конечно, благопріятствовало появлению героевъ вѣры и патріотизма, жертвовавшихъ жизнью за родину и церковь, и выступавшихъ дерзновенно на ихъ защиту. Синаксарь отмѣчаетъ въ числѣ святыхъ трехъ царей этого времени: многострадального *Лебна-Денгеля*, благородного мученика *Клавдія*¹⁾ и миролюбиваго *Ioanna I*, завершившаго эту эпоху виѣшнихъ осложненій, смѣненную затѣмъ временемъ внутреннихъ монашескихъ смутъ. Далѣе, мы находимъ упоминанія о различныхъ мученикахъ и мученицахъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо сказано, что они пострадали въ это время, напр., авва *Асеръ*, *мамхеръ изъ Бами* (11-го генбота) убитъ при *Лебна-Денгелѣ* во время путешествія въ Іерусалимъ, *Магдалина*, мать *Фануила* изъ рода князей *Даварро*—потомковъ *Сайфа-Арада*—пострадала отъ арабовъ при Гранѣ

¹⁾ Житіе въ краткой редакції у *Sapeto*, *Viaggi e missione* p. 442—4; болѣе полно въ переводѣ у *Duensing* o. с. p. 33—36. Здѣсь же разборъ и опѣнка.

(13-го санѣ), дабра-либаносскіе монахи *Такла-Адонам*, *Тавалда-Мадханъ*, *За-Іасусъ*, и иже съ ними—отъ галласовъ¹⁾ и т. д. О другихъ, напр. *Амата-Микаэль* и *Амата-Вахедъ*, ничего не сказано, но можно предполагать, что и ихъ страданія относятся къ этому же времени. Сюда же относится и синаксарное житіе внука царя *Наода* и современника царей *Лебна-Денгеля* и *Клавдія—Лаэка-Марьяма*, взятаго въ плѣнь мусульманами. Житіе это, несмотря на дурное состояніе текста, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ смыслѣ историческому, такъ какъ ссылается на хронику *Лебна-Денгеля*, составленную *Сена-Крестосомъ* и *Параклитосомъ*. Съ этой стороны оно уже опѣнено и разработано *Дюнсингомъ*²⁾. Кромѣ этихъ мучениковъ и исповѣдниковъ, синаксарь сохранилъ отъ этого времени имена и преподобныхъ, жизнь которыхъ прошла болѣе или менѣе мирно, напр., дабра-либаносскихъ настоятелей: *Марха-Крестоса* (9-й по счету; въ спискахъ *Іемерхана-Крестосъ* 24-го тера = 19-го января), *Аввакума* [известнаго прозелита изъ ислама и литературнаго дѣятеля, 11-го настоятеля *Дабра-Либаноса*³⁾], *Batra-Wangel* [вар. *Затра-Вангель*—17-го? настоятеля⁴⁾]. Вѣроятно, къ этому же времени относится жизнь „*Госифа свѣтильника міра*“, сравнительно обширное житіе котораго помѣщается во всѣхъ синаксаряхъ подъ 19 генбота. Я, по крайней мѣрѣ, заключаю это изъ единственного мѣста житія, дающаго хотя какую-нибудь точку опоры для сужденія о хронологіи: святой по-

¹⁾ *Ludolf, Commentarius*, p. 434, nota XXXIX.

²⁾ o. с. p. 47—50.

³⁾ См. о немъ у *Basset, Études J. As.* 1881 (v. 18), p. 116. Житіе подъ 21 міазы (16 апрѣля) не даетъ ничего нового и кромѣ того переведено почти цѣлкомъ въ соответствующемъ мѣстѣ у *Зотанберга*.

⁴⁾ См. *Duensing*, p. 40. „*Zatra Wangel*“—„источникъ евангелія“ и „*Batra W.*“—„жезль ев.“—имена, встрѣчающіяся для этого преподобнаго въ синаксаряхъ и генеалогіяхъ одинаково часто. Вѣроятно онъ носилъ два имени, возможно, впрочемъ, предположить палеографическое смышеніе въ весьма раннее время.

стригся въ Дабра-Либаноѣ отъ рукъ Тавальда-Мадхана. Въ спискѣ дабра-либаноскихъ настоятелей, помѣщенномъ въ парижской рукописи 137, этого имени еще нѣть, остается предположить, что онъ правилъ обителю послѣ перечисленныхъ 17-ти, а это приведетъ насть въ разбираемую эпоху. Возможно, что пострадавшій отъ галласовъ Тавальда-Мадханъ тожественъ съ этимъ. Во всякомъ случаѣ житіе представляетъ для историка сравнительно незначительный интересъ; главное мѣсто отведено видѣніямъ и чудесамъ; разсказывается о чудесномъ троекратномъ хожденіи въ Іерусалимъ, въ гробамъ всѣхъ Апостоловъ, въ Параїю (Bartos) и Индію (Hendakē), по водамъ, на львахъ и пантерахъ¹⁾. Говорится также о многочисленныхъ хожденіяхъ его по эзіопскимъ пустынямъ въ Валахѣ, Тигрѣ, Баракѣ, Саменѣ. Въ послѣднемъ онъ посѣщаетъ гробницу сладкопѣвца Іареда и, найдя щель, у входа изучаетъ его „Врата Свѣта“. Собравшимся вокругъ него монахамъ онъ оставляетъ уставъ, чтобы они „не пріобрѣтали ни стяжанія, ни скота, не ъли мяса, не пили вина и сикера, поучались смиренію и кротости, не празднословили и не смѣялись въ церкви“. Погребенъ былъ въ церкви, именуемой Добра-Таборѣ, и „явились отъ тѣла его чудеса и знаменія безъ числа“. Гдѣ была эта обитель и тожественна ли она съ находящейся въ Бегамедрѣ, неизвѣстно²⁾.

Житія этихъ и другихъ святыхъ этого периода дали бы немомѣнно много для историка, если бы были извѣстны въ пространномъ видѣ. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ только краткими синаксарными замѣтками, иногда простыми упоминаніями имёнъ, и можемъ только утѣшать себя тѣмъ, что пространная житія и этихъ святыхъ могутъ со временемъ найтись. На ихъ существованіе указываетъ, напр., синаксар-

¹⁾ Откликъ апокрифическихъ хожденій апостоловъ. Bartos-Parhia см. Conti Rossini, Le preghiera etc.

²⁾ Житіе въ переводѣ у Duensing, o. c. p. 37—40.

ная замѣтка о Марха (Іемерхана)-Крестосѣ: „всѣ доблести и слова его записаны въ книгу подвиговъ его, чтобы читаться въ день памяти его“. Единственную такую „книгу подвиговъ“, отъ этого времени, представляетъ пока житіе подвижницы и исповѣдницы Валатта-Петросъ.

Валатта-Петросъ.

Еще 1876 году Schodde далъ въ *Zeitschrift des deutschen Morgenlndischen Gesellschaft*¹⁾ описание эзіопской рукописи Дрезденской Королевской библіотеки, въ которой заключалось обширное житіе Валатта-Петросъ. Онъ привелъ краткое содержаніе его, указалъ на его интересъ и важность. Мы уже имѣли случай говорить что его заключенія объ авторѣ произведенія не могутъ быть безусловно приняты, такъ какъ въ спискѣ Британскаго музея, которымъ мы пользовались²⁾, при тождествѣ текста введенія, имя замѣнено другимъ. Но время составленія житія дается въ обоихъ рукописяхъ одинаково—30 лѣтъ послѣ кончины святой, 7165 годъ „милости“, 5 годъ царствованія Іоанна I, т.-е. 1672 г. по Р. Х. Судя по выдержкамъ, сообщаемымъ Шодде, текстъ въ обоихъ спискахъ тожественный, но дрезденскій иллюстрированъ 60-ю раскрашенными картинами. Кромѣ этихъ двухъ списковъ, въ коллекціи d'Abbadie имѣется еще третій, написанный, какъ говорить авторъ, на основаніи эпилога въ 1714—15 году³⁾. Здѣсь также есть три иллюстраціи. Наконецъ, въ оксфордскомъ синаксарѣ есть сказаніе о святой, представляющее сокращеніе пространнаго. Житіе это принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ эзіопской литературы и по содержанію, и по формѣ. Послѣдняя, впрочемъ, нѣсколько

¹⁾ XXX, p. 297—301.

²⁾ Описаніе см. Wright, Catalogue, p. 197. См. выше, стр. 25.

³⁾ Catalogue rais., № 88, p. 99.

растянута, благодаря обилию текстовъ и риторическихъ отступлений, однако чувство мѣры автору удалось сохранить.

- f. 8. Благочестивые и богатые родители святой, по имени Вахръ-Сагадъ и Крестость-Эбая, происходили изъ знатного рода въ Даваро и Фатагаръ; у нихъ были еще дѣти и „князья“ (*makwānen*): Павелъ, Заманфасъ-Кеддусъ, Лесана-Крестосъ и Заденгель-Хоханнесъ. Отецъ въ успенскій постъ (*šoma naħasē*) уходилъ на о. *Rēmā* (*Rēmā*), и тамъ постился и подвизался, стоя въ водѣ и нося желѣзныя вериги; по окончаніи поста устраивалъ пиръ для бѣдныхъ. Когда однажды у него не оказалось средствъ для этого пира, онъ по молитвѣ поймалъ рыбу, и въ ней нашелъ кусокъ золота въ цѣлую увѣю (*ħelēq*); другой разъ, стоя въ церкви за обѣдней, онъ удостоился видѣть чудо пресуществленія; а одинъ монахъ видѣль солнце, сиявшее изъ чрева его жены. Послѣднее было объяснено, какъ предзнаменование рожденія дочери, „которая возсіяеть, какъ солнце во всѣхъ концахъ мира; и будетъ она водительницей слѣпыхъ сердцемъ и будутъ исповѣдаться ей цари земные и архиереи, и соберется къ ней много людей съ четырехъ угловъ мира, и будутъ единимъ собраніемъ и угодными Богу, и ради нея будутъ называться имена ваши до скончанія вѣка“. Послѣ этого супруги молились „великимъ правиломъ (канономъ)“ двѣ недѣли, чтобы имъ было открыто, правда ли это. Увидавъ въ видѣніи тоже самое, Крестосъ-Эбая зачала; болѣзnenные роды облегчились по молитвѣ ея мужа, который послѣшилъ затѣмъ въ ея комнату, „хотя онъ былъ князь (*makwānen*), и ему не подобало входить въ мѣсто рожденія и его не пускали“; онъ обнялъ младенца—дочь и удивился красотѣ ея. На 8-й день ее окрестили и нарекли Валатта-Петроcъ. Отецъ любовался и утѣшался єю; съ нею игралъ и єю хвалился, но ему не удалось увидѣть исполненія пророчества—онъ умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія. Воспитаніе взяла на себя мать, научившая дочь Св. Писанію и затѣмъ выдавшая ее замужъ за князя (*makwānen*) *Малька Крестосъ* (*Malk'a Krēstos*), „главнаго сопѣтника царя *Сисиннія*, который царствовалъ въ вѣрѣ Франкской“—
- f. 10. „да будетъ ему женой по уставу брака, какъ дочь князя“. Троє дѣтей отъ этого брака умирали вслѣдъ за рожденіемъ, ибо святая молилась, чтобы они остались жить только въ томъ случаѣ, если будутъ угодждать Богу¹⁾. Послѣ этого она неохотно жила съ мужемъ, стала поститься и по вечерамъ
- f. 12.
- f. 13.

¹⁾ Подобнымъ-же образомъ и тѣми-же словами („если не угодить тебѣ, заключи мою утробу“) молилась и мать Такла-Хайманота. Cod. Par. № 137, f. 7 v.

удаляться къ церкви для ночной молитвы; по воскреснымъ днямъ она устраивала обѣдь для священниковъ; женщина, помогавшая ей въ этомъ и тяготившаяся своимъ дѣломъ покаялась, когда была приведена къ церкви и увидела подвиги священниковъ. Устраивала Валатта-Петроcъ обѣды и для бѣдныхъ, причемъ сама єла только печенные горькіе листья растенія ранче (*rant'e*) и пила воду. Наконецъ она нашла случай уйти отъ мужа. Тотъ ушелъ на войну къ царю Сисиннію. Въ это время она жила въ странѣ *Семада* (*Sēmāda*) на вершинѣ (?) *Taselāsъ* (*Taslaš*). Къ ней явились два монаха: авва Ямана изъ *Rēmā* и авва Тазкѣра-Денгель съ *Цана*, посланные аввой Фатла-Селасѣ, чтобы отвести ее на *Загѣ* (*Zagē*). Тогда, раздавъ все свое достояніе бѣднымъ, она ушла съ ними, взявъ съ собою 8 унцій золота для раздачи на дорогѣ нищимъ и церквамъ. Съ нею пошли три служанки: Марьямъ, Александра (*Eskenderijāwit*) и Евпраксія. Послѣ дневного перѣѣзда на мулѣ прибыли въ *Махдара Эзетна Марьямъ Рача*¹⁾ (*Mahdara Egzētna Marjam Ratā*). Святая переносила съ терпѣніемъ всѣ лишенія на пути, хотя раньше привыкла къ удобствамъ: если, вставая съ ложа на коверъ, она ступала на корку хлѣба, у нея изъ ноги шла кровь. Затѣмъ пошла въ *Чайварѣ-Зеgebä* (*T'āyārē-Zēg'bä*), а оттуда въ *Нечатъ* (*Nēt'at*), гдѣ остановились въ домѣ старицы-монахини *Амата-Петроcъ* на нѣсколько дней и продолжали путь въ *Робитъ* и *Эмбра* (*Embēra*) противъ *Загѣ*. Здѣсь на берегу озера жиль хозяинъ лодокъ, по имени *Кефла-Марьямъ*, у которого они остановились, и затѣмъ пошли уже въ *Загѣ*. Здѣсь они возблагодрили Бога и привѣтствовали „святыхъ, которые были въ этой пустынѣ—монаховъ и монахинь“. Валата-Петроcъ понравилось мѣсто, она рѣшила остаться въ немъ, отстрѣгла свои волосы и надѣла клобукъ (*qob'a*). Мужъ єя, находясь въ лагерѣ съ царемъ, услыхалъ обѣя бѣгствѣ, и попросилъ у царя отпуска для ея розысковъ. Во гневѣ и ярости послалъ онъ своихъ воиновъ называемыхъ „Сельтанъ Маредъ“ (*šeltān-mar'ēd*=«Государь-устрашитель») съ ликазмачами, которые обходя всѣ мѣстности, узнали, что святая убѣжала въ *Загѣ* и *Робитъ*. Этотъ городъ былъ разграбленъ; Кефла-Марьямъ былъ связантъ, его имущество расхищено. Затѣмъ начальнику воиновъ было приказано взлѣзть на дозорный шалашъ (*tāmā*)²⁾ на берегу и наблюдать за проѣзжающими по озеру. Самъ *Малька-Крестосъ* поплылъ къ везаро *Валатта-Гіоргисъ*, дочери царя *Сарца-Денгеля* и къ аввѣ *Фатла-Селасѣ*. Тѣ стали его упрекать за разрушеніе города. Онъ палъ къ нимъ въ ноги и просилъ разсудить

¹⁾ Въ Бегемедрѣ 14°44' д. 37°51' т.

²⁾ См. Guidi, Vocab. Amarico, p. 59.

между нимъ и женой и примирить ихъ, клятвенно обѣщая даже перестать быть воиномъ царя, если она того захочетъ. Тогда они уговорили Валатта-Петрося вернуться къ мужу, хотя она и увѣряла ихъ, что онъ не сдержитъ клятвы. На другой день ее повезли авва Ямана Крестосъ и авва Тазкара-Денгель. Когда они были на озерѣ, воины, сидѣвшіе на деревѣ тѣмѣтѣ услыхали плескъ воды и услыхали, что они злословили Малька-Крестосъ и его мать, а Валата-Петрося ихъ унимала. Воины спустились, часть ихъ скрылась, другіе побѣжали ко своему господину и рассказали ему. Между тѣмъ монахи приплыли, не замѣтивъ скрывшихся воиновъ и, такъ какъ была ночь, то не сошли на берегъ, а остались на озерѣ до утра, ожидая мула. Тогда главный воинъ вышелъ изъ засады и хотѣлъ захватить ихъ; чтобы напугать, онъ ударилъ ихъ мечемъ въ ножнахъ и даже ранилъ Тазкара-Денгель въ ногу. Валата-Петрося ударила его по щекѣ. Между тѣмъ явился самъ Малька-Крестосъ и въ гнѣвѣ бросилъ съ нея клубокъ. Она упала безъ чувствъ, и всѣ усилия посадить ее на мула были безуспѣшны. Тогда онъ велѣлъ ее нести воинамъ, взявъ за четыре конца одежды. Приходилось пробираться среди колючихъ растеній, и воины, изнемогая отъ тяжести и боли, стали просить ее пощадить ихъ. Она стала на ноги и дала посадить себя на мула. Въ это время пришли посланцы отъ аввы Фатла-Селасе и везаро Валатта-Гюргисъ и стали упрекать Малька-Крестоса за неисполненіе обѣщанія и за то, что онъ похитилъ жену, какъ разбойникъ. Онъ покаялся и они его примирili съ женой, съ которой онъ и вернулся въ Семадѣ. Но она все продолжала тяготиться супружеской жизнью и искала случая уйти. «Въ это время началась франкская вѣра. Убить былъ абуна Симеонъ митрополитъ съ Іуліемъ, и сдѣлались они мучениками. А сей мужъ-убийца митрополита отдалъ одѣяніе митрополита Малька-Крестосу. Когда мать наша св. Валата-Петрося узнала это, ужаснулась и возненавидѣла его и нехотѣла приближаться къ нему... и говорила: „какъ я могу жить съ тобой не христіаниномъ—ты убилъ митрополита и у тебя его одежда“. Она опять стала вести монашескую жизнь: отстригла волосы, не употребляла благовоній, не красила ногтей, не мазала глазъ, не носила красивыхъ одеждъ. Наконецъ мужъ рѣшился отпустить ее, поклавшись, что не будетъ преслѣдовать, и отправилъ ее къ роднымъ ея, сказавъ: „возьмите дочь вашу; она не радовала, а печалила меня; мы не были плотю единой, какъ подобаетъ мужу и женѣ; пусть она отселятъ дѣлаетъ, что хочетъ и думаетъ“. Всѣ слуги плакали, прощаюсь съ нею. Ее отвезли къ ея брату За-Денгелю. Черезъ нѣсколько времени она опять стала стре-

миться въ монастырь, и ушла подъ предлогомъ навѣстить больного мам-хера, „ибо духовный отецъ выше тѣлеснаго“. Остановившись на пути, она отослала слугъ и ночью, когда всѣ спали, ушла съ одной дѣвочкой изъ мѣстныхъ жителей для указанія пути, который былъ крайне труденъ и изъ ногъ ея „текла кровь, какъ вода“. Прибыть въ г. Робитъ, она поселилась у церкви Богородицы. Скоро дѣвочка соскучилась и ушла отъ нея. Но сама она не долго оставалась одинока: ее навѣстила дѣвица, посланная къ ней монахиней Лабасита-Крестосъ изъ Фарэ (Fâgê), услыхавшей о ея подвигахъ. Она упросила ее побыть съ ней недѣлю. Потомъ пришелъ авва Цегэ-Хайманотъ, тоже изъ Фарэ, навѣстить ее, сказалъ, что не хорошо ей жить въ одиночествѣ, и обѣщалъ прислать къ ней монахиню Эхта-Крестосъ, оставившую, подобно ей мужа и домъ и жившую съ сестрой. Она отвѣтила, что не хочетъ жить съ женщиной, бросившей домъ. Авва сказалъ, что знаетъ ее съ хорошей стороны и увѣренъ, что и она полюбитъ ее. Затѣмъ она пошелъ къ Эхта Крестосъ и уговорилъ ее оставить сестру, съ которой она не могла вести настоящей монашеской жизни и попытаться пожить съ Валата-Петрося. Послѣ нѣкотораго колебанія она согласилась. Свиданіе двухъ подвижницъ окончилось тѣмъ, что они понравились другъ другу и были „какъ бы раньше знакомы, ибо соединилъ ихъ Духъ Святой“. Потомъ Эхта-Крестосъ ушла домой, чтобы послать за Валатта-Петрося лодку, встрѣтила ее и они прибыли въ Фарэ; Валатта-Петрося привѣтствовала всѣхъ бывшихъ тамъ сестеръ и Цегэ-Хайманота. Послѣдній спросивъ ихъ, любятъ ли они другъ друга, тѣ отвѣчали, что любить, но не знаютъ, какъ бѣжать имъ. Авва посовѣтовалъ Эхта-Крестосъ отпроситься у Валатта-Петрося идти и сдѣлаться ученицей у Эрсенѣ (Ersenâ—Арсеній?) подъ угрозой уйти тайно, и самъ повелъ обѣ этомъ дѣло, отправилъ ее къ Эрсенѣ „и открылъ ей тайну его и сказалъ ей, чтобы она не открывала этой тайны“ (?). Потомъ посадилъ ихъ ночью на лодку и велѣлъ въ тотъ же день вернуться въ Загѣ, чтобы не настигли ихъ преслѣдователи. Чрезъ три дня Валатта-Петрося поѣхала на лодкѣ въ Робитъ, гдѣ жила раньше и поселилась тамъ съ Эхта-Крестосъ; и жили они неразлучно до смерти. Потомъ они ушли въ Дабра-Анко (D. 'Anqo), и Валата-Петрося постриглась тамъ и подвизалась, меля муку и нося дрова и воду, хотя раньше не была привычна къ этимъ работамъ. Съ нею ушли Эхта-Крестосъ, Валатта-Павлосъ, Валатту-ла-Анататевось. Она ходила на далекую рѣчу (путь отъ утрени до 3-го часа) съ тяжелымъ сосудомъ за водой; на пути ей приходилось подниматься на высокій холмъ ползкомъ; на срединѣ дороги былъ большой камень, на которомъ она отдыхала.

f. 21.

f. 22.

f. 23.

f. 24.

f. 25. „Этот камень назвали „остановкой (mē'ëgrāf) Валата-Петроcъ“, и всякий подвимающийся или спускающийся пflуетъ его до сего дня, „и будетъ онъ памятникомъ призываю имени ея до скончанія міра“. Также труждались и ея подруги. Видя это, другія лїнивые монахини стыдились и исправлялись, говоря: „увы намъ... мы дочери бѣдняковъ... мы привыкли молоть иносить воду... а она госпожа и дочь знатныхъ и жена вельможи“...

„Тогда царь Сисинній началъ отступать и вводить нечистую франскую вѣру, которая говорить, что Христосъ—два естества (bahrēj) послѣ того, какъ Онъ соединился и сталъ совершеннымъ человѣкомъ; онъ отступилъ отъ святой александрийской вѣры, которая говорить, что вочеловѣчившись не измѣнился и не сталъ никоимъ образомъ инымъ Сынъ Единородный, но пребылъ Богъ Слово, какъ единъ видъ, едина упостась и едино Божество. Услыхавъ это мать наша Валата-Петроcъ, не могла выносить, но удалилась и бѣгала изъ города въ городъ, была изгоняема и прибыла въ городъ Сіонъ (Аксумъ?) со своими подругами... чтобы не слушать хуленія франкскаго и не имѣть общенія ни съ кѣмъ, сорватившимся въ эту вѣру“.

f. 26. Здѣсь она также подвизалась, какъ и раньше—молола, носила воду, собирала упавшія колосья, носила дрова, причемъ шипы и сучья кололи ей ноги до крови, и всѣ находившіе кровь на пути, говорили: „это кровь Валатта-Петроcъ“. „Благословеніе Божіе было въ рукахъ ея“, и она собирала колосья скорѣе и больше другихъ, такъ что однажды хозяинъ поля заподозрилъ ее въ похищенніи и высыпалъ ее корзину. Но она терпѣла это оскорблѣніе безропотно.

f. 27. „Будучи въ этомъ городѣ ревнительницей вѣры, мать наша св. Валата-Петроcъ не могла терпѣть и убѣждала гражданъ не принимать нечистой вѣры Льва и не поминать имени царя нечестиваго во время литургіи, какъ отлученнаго и проклятаго... Когда услыхалъ объ этомъ царь Сисинній, весьма разгнѣвался и вознегодовалъ и разъярился, какъ левъ. Онъ закляль ея братьевъ и родныхъ и объявиль имъ: „свидѣтельствую вамъ небомъ и землей, клянусь моимъ царствомъ могуучимъ, что отомщу вамъ, и вы умрете лютою смертью, и я истреблю отъ земли память вашу, если вы не приведете мнѣ скоро Валатта-Петроcъ“... Братья святой испугались, „ибо суроvъ былъ царь и не щадилъ никого, какъ говорилъ, такъ и поступалъ“. Они стали уговаривать сестру не упорствовать. Та, посовѣтовавшись со своими сподвижницами, рѣшилась идти съ ними къ царю и умереть за вѣру. Мать и братья умоляли ее не губить себя и ихъ, не возмущаться противъ царя. Мать показывала ей свои сосцы и просила пощадить ее. Но она не послушалась, помня, что „подобаетъ повиноваться

Bогу паче, нежели человѣкомъ“. Царь находился тогда въ станѣ и повелѣлъ привести ее къ себѣ. Ее сопровождали мать и братья съ плачерь, „какъ покойника, котораго несутъ на погребеніе“. Она убѣждала ихъ лучше плакать о себѣ и ссыпалась между прочимъ на Римл. 8, 35—38 и Луки 10, 28. Когда они прибыли въ царскій станъ, царь собралъ всѣхъ судей (makwanen) и вельможъ (masafnet) и старѣйшинъ (liqawent) и засѣдателей (manabret). Святая не испугалась блестящаго собранія. Ее спросили „хранители рѣчи царской“ ('aqabjana nabib za-negus): „ты преступила противъ царя! ты преступила противъ Бога, и противилась повелѣнію его, не послушалась слова его, осмѣяла вѣру его, склонила сердца гражданъ не принимать вѣры его и не поминать имени его во время литургіи“. Она отвѣтила только: „я не злословила царя и не преступала моей вѣры“, причемъ смѣялась. Царь разгнѣвался и велѣлъ было казнить ее или отрѣзать груди. Но тогда выступилъ ея мужъ Малька-Крестосъ и изъ любви къ ней сказалъ, что это не она смѣялась надъ царемъ, а бѣсь, который сидитъ въ ней съ дѣлства. Советники царя также выставили ему на видъ, что изъ-за казни женщины могутъ возстать области Даваро и Фатагаръ. Ее отпустили, во отослали въ далекую страну къ роднымъ, съ запрещенiemъ учить. Къ ней ходили мамхеры, сохранившіе „православную вѣру“, бесѣдовали и взаимно укрепляли другъ друга. Наконецъ ей опять удалось бѣжать и вернуться въ пустынь Загѣ къ аввѣ Цегэ-Хайманоту съ Валатта-Павлосъ и Эхта-Крестосъ и многими другими и тремя служанками. Разъ пришелъ къ нимъ лукавый человѣкъ, которому они предложили вкусное угошеніе и который взялъ часть свою, завернувъ въ одежду, чтобы показать людямъ. Ангель отнялъ ее у него, когда онъ хотѣлъ достать. Въ другой разъ послалъ рась Сѣла-Крестосъ (Sé'la-Kr.) воина-шпиона, сына мужа Эхта-Крестосъ развѣдать, какъ они живутъ. Они и его угостили, и онъ рассказалъ своему начальнiku, что онѣ бѣжать вкусно и живуть лучше его. Рась захотѣлъ напасть на нихъ. Тогда Валатта-Петроcъ рѣшилась бѣжать въ Дабра-Антоніосъ къ Абабиту (Ababit) на лодкѣ по озеру. На пути ихъ чуть не потопилъ гиппопотамъ. Когда ея спутницы потерялись и хотѣли сами броситься въ воду, она упрекнула ихъ въ маловѣріи, покрыла ихъ своею одеждой, стала читать „Богородице Дѣво радуйся“ (Salama Mal'ak), и стала считать зубы чудовища; ихъ оказалось девять. Бегемотъ ушелъ и исчезъ. Монахини прибыли, куда хотѣли, и спустя нѣсколько дней вернулись въ Загѣ. Когда здѣсь опять за ними стали „охотиться“ франкскіе воины, они убѣжали въ Вальдеба. Авва Цегэ-Крестосъ, котораго они покинули, хотѣлъ удержать ихъ и остановить на пути.

f. 29.

f. 30.

f. 31.

f. 32.

Но Валатта-Петросъ сказала: „не вернешься ли ты домой? Что тебе до меня, и чего ты отъ меня ищешь? Не слыхать ли ты, что говорить писание: „прежде всего да удаляются праведные и монахи отъ женщинъ“. Путь былъ трудный; онъ утомились, и къ тому же пришли въ безводную местность. Когда спутницы стали унывать, святая источила воду среди деревьевъ *qūlquās*¹⁾. Прибыть въ *Вальдеба*, они стали подвизаться постомъ и молитвою. Валатта-Петросъ стала добровольно служить одной сварливой старухѣ, которой никто не могъ угодить и которую всѣ покинули. Она съ терпѣniемъ собирала для нея колосья, молола муку, пекла хлѣбы, носила воду, получая отъ нея, вместо благодарности, оскорблени¤ и попреки за неумѣніе и непривычку къ черной работѣ. Когда она умерла, она сама похоронила ее. На всѣ вопросы, неужели нѣтъ другого средства угодить Богу, она отвѣчала, что оскорбляетъ ее не старуха, а сатана. Шесть мѣсяцевъ жила она въ пустынѣ, питаюсь листьями, пока не испортила себѣ зубовъ. Когда мать ея Крестосъ Эбая прислала въ монастырь ословъ, нагруженныхъ мукой и всякой провизіей, всѣ сестры обращались, но святая до тѣхъ поръ не приняла посланныхъ, пока послѣ трехдневной молитвы не получила откровенія, что это не козни діавола, искушавшаго Спасителя послѣ сорокадневнаго поста. Вмѣстѣ съ провизіей было прислано письмо отъ матери о томъ, что она хочетъ видѣть ее. Святая отвѣчала, что не покинетъ пустыни и не вернется въ міръ; мать можетъ, если хочетъ прйтти къ ней. Одинъ благочестивый монахъ Малька-Крестосъ, чувствуя приближеніе смерти, пришелъ проститься съ нею. Она опечалилась и стала просить себѣ смерти. Въ наказаніе ей была послана тяжелая болѣзнь. Монахъ тоже упрекнулъ ее и предсказалъ, что ея жизнь нужна; что отъ нея получатъ пользу семь монастырей: Жебай, Ченква, Меделэ, Загэ, Дамбоза, Афаръ-Фарасъ, Замболь, и уже послѣ этого, спасши много душъ, она упокоится. „И еще скажу тебѣ: „читай Евангеліе отъ Иоанна, ибо видѣлъ я истинное видѣніе—быть прославленъ славою многою читавшій его постоянно. Сдѣлали надъ нимъ покровъ изъ свѣта, подъ ноги его подостлали золотую подстилку. И посему говорю тебѣ: „читай во всѣ дни жизни твоей““. Сказавъ это и многое другое изъ „тайнъ Божіихъ“ онъ простился, вернулся въ свою келью и переселился изъ сей жизни, отойдя ко Господу, возлюбившему его.“

У вальдебскихъ монаховъ было обыкновеніе молиться отъ 2-го числа.

¹⁾ См. Dillm., Lex. 413. D'Abbadie, Dict. 250. Въ послѣднемъ говорится, что плоды этого дерева употребляются въ пищу главнымъ образомъ мусульманами.

хамлэ (26-го іюня) до 8-го хедара (4-го ноября), а затѣмъ, принявъ благословеніе отъ старцевъ, расходиться и собирать себѣ пропитаніе. Валатта-Петросъ удалилась на это время отъ сестеръ, поселилась близъ монаховъ, чтобы слушать молитвы ихъ, жила подъ открытымъ небомъ, не защищенная отъ солнца и дождя, и бодрствуя по ночамъ. Къ ней ходилъ ученикъ Такла Марьямъ и служилъ ей. Однажды она избавила его отъ змія, забравшагося въ его келью. Оберегали ее двѣ антилопы — одна у головы, другая у ногъ. Спаситель явился ей и повелѣлъ прекратить свое отшельничество, чтобы быть полезной другимъ, которые придутъ къ ней со всѣхъ четырехъ странъ свѣта. Она долго не довѣряла видѣнію, боясь искушенія, но потомъ подчинилась Его волѣ и, по окончаніи вальдебскаго устава молитвы, вернулась изъ своего уединенія къ Эхта-Крестосъ и Германѣ. Тѣ догадались, что она имѣла видѣніе, но она долго скрывала отъ нихъ, боясь славы. Затѣмъ она начала укрѣплять жителей Вальдебы въ вѣрѣ правой и отвращала отъ вѣры франкской. Сисинній, услыхавъ объ этомъ, послалъ соглядатаевъ наблюдать за ней. Когда ей обѣ этомъ сообщили, она ушла въ высохшій потокъ (дѣло было лѣтомъ), взявшись за собой книгу „Найманота аваа“ („Вѣра отцовъ“) и другія книги. Вдругъ пошелъ ливень, наполнившій русло, но не повредившій ни людямъ, ни книгамъ — не пострадала ни одна буква. Вернувшись на старое мѣсто, святая находить лекарственное питье для исцѣленія отъ внутренняго червя и поить имъ другихъ. Когда въ Вальдеба появился змѣй „шалхвильхит“ (*Šalhuihlhuit*), выходившій по ночамъ, разбивавшій головы и выпивавшій мозги, монахини въ ужасѣ разбрѣжались. Валатта Петросъ, которую они грозили оставить одну, пошла въ область *Цаламтъ* (*Salamt*)¹⁾, где также проповѣдывала противъ „нечистой вѣры Франковъ“. Сисинній, услыхавъ объ этомъ, „зарычалъ, какъ левъ, и сказалъ: „я оставилъ ее въ покое, а она не оставляетъ меня, я помиловалъ ее, а она меня не милуетъ. Теперь я рѣшу, что мнѣ дѣлать““. Онъ велѣлъ правителью области *Амбарасъ-Филою* привести къ себѣ святую. Когда тотъ объявилъ ей приказъ царя, она отдалась въ его руки со словами: „я готова умереть и не боюсь ничего“*. Съ нею шли Эхта-Крестосъ, Марьямъ-Сена, Марьямавитъ и Александра. Въ мѣсце генеботѣ прибыли къ царскому стану и ихъ помѣстили въ домъ дадазмача Б'эла-Крестосъ. Къ нимъ приставили трехъ „мамхеровъ лжи, вельможъ франкскихъ“, чтобы склонять ее оставить „истинную вѣру Диоскора и перевести ее въ нечистую вѣру Льва, которая говоритъ,

¹⁾ Область къ сѣверу отъ Самена и сѣверо-востоку отъ Вальдебы, на берегу Такацы.

f. 38.
f. 41.

f. 42.

f. 43.

f. 44.

что Христосъ во двою естеству по соединеніи несказанномъ". Они были посрамлены. Тогда стали ихъ посещать другіе Франки, толкуя ейъ свои нечистыя книги, но Валатта-Петрось не слушала ихъ словъ, не принимала ихъ вѣры, а смеялась и глумилась надъ ними". Царь освѣдомлялся у нихъ объ успѣхѣ ихъ проповѣди, но получивъ въ отвѣтъ: „какъ войдетъ вода въ каменное сердце?", захотѣлъ казнить святую, и только оставилъ это намѣреніе по совѣту приближенныхъ, выставившихъ ему на видъ, что примѣръ мученической смерти вызоветъ многочисленныя подражанія и царю не надѣть кѣмъ будетъ царствовать. Тогда рѣшили ее отправить въ страну *Жебай* (*Şebaj*) и отдать въ узы къ одному шанкеланину. Но тутъ мужъ ея Малька-Крестось попросилъ царя помѣстить ее у него съ тѣмъ, чтобы къ ней ходилъ „франкскій мамхеръ *Афонсу*" (Альфонсъ) для ежедневныхъ собесѣданій. Онъ ручался, что чрезъ мѣсяцъ она будетъ обращена. Царь согласился; ее помѣстили со спутницами въ домъ мужа и приставили Альфонса, который сталъ толковать ейъ свои книги, но былъ ею посрамленъ. Когда по прошествіи зимняго мѣсяца царь узналъ объ этомъ, онъ отправилъ ее въ Жебай одну, безъ спутницъ, подъ надзоръ шанкеланина. Мать ея, узнавъ объ этомъ, послала къ ней рабыню Иларію. Три года она сидѣла въ узахъ, не Ѵла и не пила. Когда ея стражъ спросилъ о причинѣ того, что она ничего не Ѵсть, она отвѣтила: „ты нечистый язычникъ, не одной вѣры со мною; у тебя нѣть ничего священнаго; ты Ѵши мышей, змѣй и всѣхъ нечистыхъ скотовъ, которыхъ законъ запрещаетъ касаться и Ѵсть. Но принеси мнѣ сырой пищи и котель новый для варки и тыкву новую, чтобы зачерпнуть воду". Онъ это исполнилъ, и Иларія сварила ей Ѵду. Такъ продолжалось мѣсяцъ, и затѣмъ „сатана вошелъ въ сердце шанкеланина" и внушилъ ему страсть къ Валатта-Петрось. Онъ хотѣлъ ее принудить, привязавъ къ костру и пытая дымомъ, но увидавъ однажды Ангела, стоящаго при ней съ обнаженнымъ мечемъ, покаялся и сталъ почитать ее. Между тѣмъ Эхта-Крестось, тоскуя въ разлукѣ, наконецъ пошла къ матери святой просить ее, чтобы та упросила Малька-Крестоса доставить ее къ ней. Малька-Крестось пошелъ къ царю и стала яко-бы жаловаться на докучливость Эхта-Крестось и просилъ ее отправить куда она хочетъ, чтобы тамъ она умерла отъ болѣзни таѣй. Царь согласился, и она была отпущена къ Валатта-Петрось, которой служила вмѣстѣ съ Иларіей. Два ученика ея, Такла-Марьямъ и Ацка-Хаваръятъ ходили къ ея матери и братьямъ, и тѣ послали ей чрезъ нихъ дорогие сосуды и платья. На пути они чудесно избавились отъ змѣя. Придя, они передали ей вѣсть отъ родныхъ и подарки. По ихъ

f. 45. droжи она догадалась объ опасности, которой они подвергались на пути, и укорила за малодушіе. Вещи, привезенные ими, отдала шанкеланину, который сталъ чтить ее, на своеъ языкѣ называлъ ее *seti*, т.-е. „госпожа" и позволялъ кому угодно ходить къ ней и жить у нея, тогда какъ раньше никого не пускалъ къ ней. Стали собираться къ ней разные изгнанники и обступали ее „какъ пчелы". Три года жила она, заботясь о нихъ. Однъ монахъ, бывшій въ оковахъ за вѣру правую, по имени *Бахайла-Марьямъ*, долго никого не видаль. Когда Валатта-Петрось увидала его, она стала служить ему и кормить его, и онъ просилъ ее послѣ смерти своей погребести его. „Если ты будешь здѣсь и погребешь меня, я буду знать, что помилуетъ меня Богъ въ послѣдній день, когда придетъ судить міръ, а если нѣть — то нѣть, не помилуетъ". По прошествіи трехъ лѣтъ пошелъ Пухайханнесъ къ *Василиду*, сыну царя и просилъ его ходатайствовать предъ царемъ о томъ, чтобы Валатта-Петрось освободили изъ заключенія, и не дали умереть въ странѣ изыческой. Василидъ выставилъ на видъ царю нѣобходимость этого на томъ основаніи, что братъ святой „любить тебя и ревнуютъ о царствѣ твоемъ". Царь послалъ воина къ шанкеланину съ словеснымъ приказомъ освободить святую. Узнавъ объ этомъ, закованный монахъ сталъ скорбѣть, что онъ переживетъ уходъ ея, и Богъ его не помилуетъ. Но въ это время онъ захворалъ. Валатта-Петрось попросила своего стража отказать въ выдачѣ ея царскому воину до представленія имъ подлиннаго документа отъ царя, изъ боязни яко-бы быть обманутымъ. Пока онъ ходилъ къ Сисинню и вернулся съ документомъ, монахъ умеръ послѣ семидневной болѣзни. Его погребли съ пѣніемъ и молитвословіемъ и положили въ гробъ вмѣстѣ съ его тяжелыми узами, которыхъ нельзя было разрѣшить. Вскорѣ послѣ этого вернулся отъ разгнѣваннаго царя посланецъ съ письмомъ, въ которомъ повидимому было приказано попытаться сжечь святую, помѣстивъ въ хижинѣ, обложенной хворостомъ на далекое разстояніе, такъ, чтобы можно было поджечь его незамѣтно издали. Но когда пламя стало приближаться, святая запѣла пѣснь трехъ отроковъ, и оно погасло. Тогда царь приказалъ отпустить ее. Она съ радостью вышла, пой насломъ: „внегда возвратити Господу плѣнь Сионъ" (125). Съ нею пошли Эхта-Крестось и Иларія, Такла-Марьямъ, Ацка-Хаваръятъ и многіе другіе изгнаные монахи и монахини. Придя въ *Чѣнкв* (*T'epquâ*) городъ въ *Дамбѣя*, они провели тамъ вѣсколько дней, такъ какъ царь разрѣшилъ ей оставаться, гдѣ угодно. Сюда собралось много изгнанниковъ, они опустили свои клобуки (*qob'a*) и стали ея учениками („вмѣсто отецъ твоихъ быша сынови твои"). f. 51. f. 52. f. 53. f. 54. это было второе собраніе. Но вдругъ появилась болѣзнь, многіе заболѣли,

и туземцы стали роптать на пришельцевъ за то, что они будто бы занесли повѣтріе. Они стали сторониться отъ нихъ, стало некому погребать мертвыхъ. Валатта-Петрость посовѣтовала перебраться на лежавшій близко отъ берега островъ Ангара съ больными. За ними ходила особенно усердно отъ берега островъ Ангара съ больными. За ними ходила особенно усердно f. 55. отъ берега островъ Ангара съ больными. За ними ходила особенно усердно и безропотно дѣвица Лабасита-Крестосъ, имѣя на устахъ „Веддасе-Марьамъ“. Однажды, когда она пѣла эти славословія въ той части, которая положены на четвергъ, то не могла ихъ кончить, такъ какъ Эхта-Крестосъ то и дѣло давала ей порученія. Наконецъ ей явилась Божія Матерь и обѣщала ее успокоить, когда она окончитъ молитву. Дѣйствительно, послѣ непродолжительной болѣзни она умерла. Некому было выкопать для нея могилу, кроме сварливаго монаха Зехра-Марьамъ, который только послѣ двукратной просьбы Валатта-Петрость согласился съ большімъ неудовольствіемъ это сдѣлать. По молитвѣ святой открылось большое подземное вмѣстилище, въ которомъ погребли всѣхъ почившихъ до того времени и стали погребать потомъ. Вскорѣ послалъ къ святой ея братъ За-денгель приглашеніе поселиться въ его области у Энфраза, обильной лѣсомъ и водой. Святая поставила на таборъ три креста, молилася „великимъ правиломъ“ три недѣли, прося Бога указать ей, куда идти — на островъ Dara или на Цана. Трижды на недѣль жребій выпалъ на Dara (?). Тогда она чрезъ Малька-Крестоса спросила у царя, на какомъ островѣ ей поселиться. Царь, повелѣвшій, чтобы люди не враждовали изъ-за вѣры и причастія, уполномочилъ его поселить ее на Цана, запретивъ кому-либо оскорблять ее. Здѣсь она поселилась въ домѣ одного монаха. Въ мѣстной церкви ей показывали образъ Божіей Матери, написанный египтянами золотою кистью. Ликъ былъ ни красный, ни черный, а средній, какъ у людей эѳиопскихъ. Святая спросила: „похожъ ли дѣйствительно этотъ образъ на Владычицу нашу Марию?“ Спутницы спросили: „когда видѣла ты Владычицу нашу Марию?“ Она отвѣтила: „я не видѣла ея, но сказала только: похожъ ли этотъ образъ на нее, и не говорила, что я видѣла ее“. Здѣсь она постилась три поста: „квесквамскій“ (рождественскій), „проповѣди“ (петровскій) и св. четыредесятницу. Но скоро Цана по многолюду показался ей столицей, и она стала молиться, чтобы ей было указано уединенное мѣсто. Явившійся Ангель направилъ ее въ Meclэ (Mæsle). Тогда она послала къ Малька-Крестосу и просила чрезъ него f. 56. раарѣшнія царя, который его далъ. Островъ Meclэ понравился святой; ей дали домъ, покинутый прежнимъ владѣльцемъ. Но на островѣ оказался монастырь, монахи которого „пребывали въ вѣрѣ франкской“. Они пришли къ ней со своимъ настоятелемъ и спрашивали: „зачѣмъ пришла въ мо-

настырь нашъ ты, послушница царя? Онъ прогибается на насъ и отомстить намъ. Уходи отъ насъ съ миромъ, а если неѣтъ — мы будемъ бороться съ тобой“. Она отвѣчала: царь сказалъ мнѣ: „живи гдѣ хочешь“. Если вы будете враждовать противъ меня, я уйду отъ васъ и оставлю вамъ вашъ монастырь; если же буду здѣсь жить,ничѣмъ не поврежу вамъ“. И они оставили ее въ покое „побѣжденные ея смиренiemъ“. Къ ней и здѣсь собралось много мужчинъ и женщинъ, между ними Цага-Крестосъ (Sagã Krëstos) изъ Amba-Марьамъ (Amva Mägjam) ¹⁾. Это было третье собраніе. Въ это время услыхалъ Сѣла-Крестосъ (Sé'ela-Kr.), оставшійся до конца жизни въ вѣрѣ франкской, что святая живеть на Meclэ во главѣ многочисленнаго собранія и отказывается отъ причастія. Онъ разгневался, злословилъ ее и рѣшился насильно заставить ее перейти во франкскую вѣру. Тогда она ночью ушла съ Meclэ въ Kyärapa (Qyä-räsa) ²⁾, а оттуда къ церкви св. Михаила, гдѣ скрылась въ ризницѣ (Mazägböt). Сѣла-Крестосъ не нашелъ ея, хотя и плылъ въ лодкѣ мимо этого мѣста. Святая вернулась на Meclэ, но вскорѣ ей пришлось опять бѣжать оттуда въ Sadach l  (Sadat l ), когда прибыль Mazraeta-Крестосъ (Mazrä ta-Kr.) съ царскимъ приказомъ вязать во всей области Дара христіанъ, не желающихъ переходить во франкскую вѣру. По удаленіи его она опять вернулась, но здѣсь враги посадили ее во время бури на корабль одну безъ весель и пустили по озеру. Она спокойно взошла, „устремилась какъ стрѣла“ и благополучно прибыла въ гавань. Потомъ она уже спокойно оставалась на Meclэ. Число ея сподвижниковъ доплюдо 50. Всѣ жили вмѣстѣ въ одномъ домѣ „ибо не было въ сердцахъ ихъ помышленій грѣховныхъ“.

„Въ это время возсталъ бунтовщикъ (warana) Малька-Крестосъ и воопарился въ Ласта. Онъ послалъ Бихоно съ войскомъ противъ царя. Тотъ далъ обѣтъ: „если подастъ мнѣ Богъ силу и победу, если предастъ въ мои руки этого бунтовщика, я повѣрю вѣрою Дюскора и отвергну нечистую вѣру Льва“. И случилось, какъ онъ сказалъ: онъ побѣдилъ и убилъ его, и вернулся въ мирѣ. Тогда онъ послалъ глашатая обходить, со словами: „у всякаго, кто будетъ вѣровать франкскую вѣруо послѣ того, какъ услышитъ слово мое и преступить мой приказъ, будетъ разграблено имущество, и онъ будетъ присужденъ къ смерти“. И вернулись изгнанные христіане въ свои города и свое достояніе. И была великая

f. 58.

f. 59.

¹⁾ Мѣстность въ Бегамедрѣ, къ сѣверо-востоку отъ озера Цана $12^{\circ}20'$ и $37^{\circ}43'$ д. d'Abbadie, Geodesie, p. 236, Sq.

²⁾ Городъ въ южной части восточнаго берега озера Цана.

f. 60.

радость для христіанъ: вернулись ихъ старѣйшины ('bjātihomu), славя и хвала Бога. Затѣмъ царь послалъ письмо благовѣстія къ матери нашей святой Валатта-Петроcъ: „вотъ я вернуль вѣру Христіанскую и уничтожилъ вѣру франкскую! Радуйся и веселись! Отнынѣ да будетъ миръ между мною и тобою!“ Посланный подалъ письмо святой, и она въ радости воскликнула псаломъ: „всі языцы“ (46), а бывшіе съ нею священники—пѣсни Моисея: „Поимъ Господеви...“ Это было 10-го хамле (4-го юля). На другой день царскій посолъ просилъ проводить его до Цана, куда онъ долженъ былъ тоже принести „благовѣстіе“. Святая прошила авву За-селасе (Za-Sēlāsē) проводить его, и за одно наловить рыбы къ празднику Петра и Павла 14-го хамле (8-го юля). Она благословила и отпустила его, и онъ поймалъ сѣтью 13 рыбъ, которыя и принесъ къ святой. Она замѣтила: „12 рыбъ — какъ апостоловъ, а одна — какъ ихъ глава Христосъ. Это благословеніе апостоловъ и ихъ Главы, Христа, почило на тебѣ“. Онъ сказалъ: „Аминь!“ „Вонстину было чудо въ томъ, что не оказалось ни больше, ни меньше этого числа“. На другой день былъ праздникъ Петра и Павла, и эти рыбы были употреблены на трапезу, въ которой участвовали всѣ „люди монастыря“. 10-го маскарама (7-го сентября) умеръ царь Сисиенній въ день праздника Šēdēnja¹⁾ и воцарился вмѣсто него сынъ его Василидъ. И онъ исправилъ вѣру. Вернулся авва Апфа-Крестосъ (Aṣfa-Kr.), бывшій въ заточеніи въ городѣ Tērā (Tērā), и другіе сосланные монахи. Валатта-Петроcъ однако осталась на прежнемъ мѣстѣ еще на годъ, ибо она дала обѣтъ св. Василиду прожить годъ и пріобщиться въ его храмѣ, если будетъ возвращена вѣра. Она пріобщалась у изгнанныхъ священниковъ, и при произнесеніи словъ на литургіи, „посли благодать Св. Духа“, видѣла сошествіе Св. Духа. Каждый вечеръ ходила въ церковь для всенощной молитвы, стояла у иконы Богородицы, не опираясь ни о стѣну, ни о столбы. Утромъ, по восходѣ солнца, послѣ чтенія синаксаря и заключительной молитвы возвращалась домой, и читала Евангеліе отъ Иоанна. Такимъ образомъ она уподобилась аввѣ Арсеiю, имѣя 30 лѣтъ отъ роду. Когда она впала въ тяжелую болѣзнь и у нея сдѣлалось обильное кровотеченіе, она стала молиться объ исцѣленіи у образа Богородицы. Отъ образа послышался голосъ, обѣщавшій исцѣлевіе, которое она и получила, подобно кровоточивой. Пока она была нездорова, къ ней каждый день собирались монахи, подвергавшіеся гоненіямъ, бесѣдовали съ нею и рассказывали ей и другъ другу о пережитомъ, говоря между прочимъ изъ исалтия „бла-

¹⁾ Сб. Šēdānā. Богородичный праздникъ. См. Guidi, Vocab. s. v.

f. 61.

гословенъ Господь Богъ нашъ, иже не даде насъ въ ловитву франкамъ“.. Потомъ святаяправляла память «отца нашего аввы Зара-Іоханнеса (Zar'a-Iohannes), умершаго въ Амба-Маръямъ (Ambā-M.) въ изгнаніи». Она дала много пищи и питья монахамъ обители, такъ что ничего не осталось на другой день. Когда одинъ монахъ, замѣтивъ это, сталъ роптать на Эхта-Крестосъ, святая упрекнула его въ маловѣрии. На другой день было прислано изъ разныхъ мѣстъ 13 чановъ (t'ān) провизіи. По прошествіи обѣтного года святая молилась три седмицы «великимъ правиломъ» (ba-'abij qanopa) предъ иконой Богородицы, прося указать ей мѣсто подвиговъ. Образъ послалъ ее въ Загэ (Zagē). Тогда она простилась съ аввой Аифа-Крестосомъ, настоятелемъ Мецлэ и монахами, и просила ихъ не пускать женщинъ на Мецлэ «ибо заповѣдано въ дѣяніяхъ отца нашего Яфкарана-Эзізія, чтобы не входила женская тварь на этотъ островъ». Тогда вывели оттуда женщинъ, и авва Аифа-Крестосъ наложилъ заклятіе на будущее время. Святая чрезъ Гожъ (Goḡ) пришла въ пустынъ Загэ. Сюда къ ней опять стала собираться отовсюду народъ—это четвертое собраніе. Мѣстные «люди знатные» съ мамхеромъ во главѣ хотѣли ее выгнать отсюда («зачѣмъ пришла ты сюда, и кто далъ тебѣ эту пустынъ, вѣдь она наша. Мы говоримъ тебѣ—уходи съ миромъ, а если нѣтъ, мы будемъ враждовать съ тобой»), но она побѣдила ихъ своюю кротостью. Узнавъ объ этомъ, къ ней пришли авва Sawarē-Masqalъ (Sawarē-Masqal), мамхерь изъ Цана и авва Mankērъ (Mankēr) изъ Vanchatъ (Want'at) и предлагали, если ей угодно, добиться у царя закрѣпленія за нею пустынъ, или приглашали въ пустынъ Kuaraца (Qūārāṣā), или предлагали вмѣстѣ идти и спасаться въ Bēta-Manzo (Bēta-Manzo). Въ это время появилось моровое повѣтріе, умерли многіе изъ чадъ ея—другіе стали уговаривать ее уйти въ безопасное мѣсто. Она рѣшилась тогда уйти въ Бета-Манзо. Въ это время на Загэ пришелъ отецъ монахини Крестосъ-Сена и умеръ тамъ отъ чумы, за нимъ послѣдовали многія другія жертвы. Когда объ этомъ услыхала святая, она захотѣла идти къ своимъ чадамъ, но ее насильно удержали: «если ты пойдешь и умрешь съ ними, некому будетъ пользоваться насъ. Пошли людей выносить больныхъ и хоронить умершихъ». Всего умерло 57 человѣкъ. «И они скончали подвигъ свой и вошли въ царствіе небесное, сообразно тому, какъ обѣщалъ Богъ отцу нашему Такла-Хайманоту, говоря: «если умрутъ твои чада отъ мора, я причту ихъ къ мученикамъ и передамъ ихъ тебѣ во царствіи небесномъ». Валатта-Петросъ, живя въ Бета-Манзо, стала возстановлять разрушенную церковь. Въ это время пришла къ ней

f. 62.

f. 63.

ея мать навѣстить ее, но заболѣла, и когда была близка къ смерти, ее отправили на о-въ Рѣмѣ, на пути къ которому она и умерла въ лодкѣ. Ее похоронили на Рѣмѣ. Святая, оставшаяся на Манзо, оплакавъ мать, продолжала трудиться надъ постройкой церкви, нося воду и камни. Затѣмъ она послала людей увозить больныхъ на маленький островъ близъ Гуаньиа (Guāngiā), потомъ ходила на Рѣмѣ спрашивать поминовеніе по матери въ 30 и 40 день, и провела тамъ время зимы. Здѣсь она сотворила чудо, воскресивъ Сѣла-Крестосъ (Sé'la-Kr.), который отказывался служить за діакона до прибытія архіерея при недостаткѣ діаконовъ, „ибо дісквернили Франки діаконство“. Онъ не слушался святой и говорилъ: «зачѣмъ эта женщина сдѣлалась главой (lìqět) и настоятелемъ (mamhérēt)? Развѣ не говорить писаніе: «женѣ учили не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ» (Тим. 1, 2, 12)? 10-го маскарама въ день св. Василиса она ушелъ въ Мецлэ и заболѣлъ. Его отправили на Рѣмѣ и положили „въ домѣ табота Христова“. Онъ весь распухъ, и на 8-й день умеръ отъ водяной въ праздникъ аввы Евстаѳія—18-го маскарама. Узнавъ объ этомъ, святая стала опять предъ образомъ молиться и услышала голосъ отъ него: «иди, я помилую для тебя». Позвавъ Эхта-Крестосъ, она спросила: «Сѣла-Крестосъ умеръ, не сдѣлавшись монахомъ? Иди къ нему и f. 65. трижды возгласи: «Сѣла-Крестосъ, будь монахомъ!». Послѣдствіемъ было воскресеніе его. Онъ разсказывалъ затѣмъ слѣдующее: «пришелъ ко мнѣ свѣтлый мужъ въ образѣ монаха, подобный авву Евстаѳію—быть день его праздника—взялъ меня съ собою, вознесъ и показалъ свѣтлый и бѣлый градъ, равнаго которому неизвѣстно, и о подобномъ которому не рассказано на землѣ. Потомъ показалъ онъ мнѣ противъ этого города другой, подобный саду. Въ немъ были большія деревья безъ плодовъ и малыя—съ плодами. И спросилъ я этого мужа: «что такое эти большія деревья безъ плодовъ? Отвѣчалъ онъ мнѣ: «это—монахи, которые превозносятся, они называются монахами по имени, носятъ монашескую одежду, хотятъ, чтобы имъ говорили: «отче! отче!», но не творятъ дѣлъ монашества и проводятъ дни свои въ лѣни, праздности и постоянныхъ блужданіяхъ изъ страны въ страну. И посему не приносятъ они плодовъ дѣлъ». И снова спросилъ я: «а тѣ деревья малыя, съ плодами, что такое?» Онъ отвѣчалъ: «это—монахи смиряющіе себя, имена которыхъ неизвѣстны никому, кроме одного Бога. Они бдятъ дни и ночи въ молитвѣ и поклонахъ и ходятъ, служа покою другихъ. И посему приносятъ они плодъ многъ, какъ говорить Евангеліе въ притчѣ святителя... Все это рассказалъ намъ Сѣла-Крестосъ о томъ, какъ его она умертила и воскресила и какъ онъ это видѣлъ.

Онъ до сихъ поръ живъ. Это истинно и неложно». Послѣ этого святая отправилась на о-въ Дамбоза (Dambozä) на вѣсколько дней. И тамъ появилась болѣзнь и умерло 12 человѣкъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ чумы; оставшіеся въ живыхъ сильно страдали. Въ это время сообщили ей о прибытіи нового митрополита Марка въ городъ Вальваджъ (Wälwâdj), куда стали собираться учителя (mamherän) церкви. Ей предложили тоже идти на встрѣчу и за благословеніемъ, но она не рѣшалась оставить своихъ больныхъ и была въ большой печали, не желая лишиться благословенія. Наконецъ она стала молиться, чтобы Богъ указалъ ей выходъ, и услышала гласъ съ неба, повелѣвавшій ей приказать всѣмъ больнымъ въ наступавшій праздникъ Богоявленія (дѣло было въ мѣс. ёрг—январѣ) погрузиться въ озеро. Когда они это исполнили, на нихъ сошелъ Духъ Св., и они выздоровѣли. Тогда святая съ радостью пошла къ митрополиту, который уже много слышалъ еще въ Египтѣ о ея жизни, подвигахъ и твердости, «и благословилъ ее благословеніемъ, которое ей подобало». Она рассказала ему всѣ свои мысли и спросила: «Какъ мнѣ поступать? Ко мнѣ, противъ моей воли собираются мужи; прилично ли это мнѣ, или нѣть?» Онъ ей отвѣтилъ: «не бойся ничего, ничего не бываетъ безъ воли Божіей». Онъ укрѣпилъ ее и вселилъ свой духъ въ нее и далъ ей больше священниковъ. Потомъ, простишись, отправился къ царю¹⁾. Валатта-Петроcъ, сопровождаемая множествомъ мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми, пошла въ Дамбоза, но видя, что для всѣхъ тамъ не найдется мѣста, рѣшилась идти опять въ Загэ. На пути она зашла въ Бета-Манзо, начала здѣсь великий постъ, и провела его до «Горы Масличной»¹⁾, и въ это время окончила начатую постройку церкви. Насху встрѣтила уже въ Загэ. Здѣсь однажды, стоя на молитвѣ она заснула и трижды слышала голосъ „скажи: «избави мя отъ кровей, Боже Боже, спасенія моего“ и увидала тѣнь тигра. Дѣйствительно появился тигръ и унесъ спящихъ мальчика и дѣвочку. Даже трупа послѣдней не удалось отыскать. Всѣ въ ужасѣ стали просить Валатта-Петроcъ уйти съ этого мѣста: «уйди, не противься Богу?» Она согласилась. Рѣшили здоровыхъ отправить пѣшкомъ, а больныхъ—на лодкахъ. Съ послѣдними отправилась и сама святая. Чрезъ Фарэ пришли въ Дамбоза, гдѣ всѣ встрѣтились. Здѣсь святая водрузила большой крестъ и остановилась со своими чадами, число которыхъ опять стало сильно увеличиваться—„это пятное собраніе“. Но болѣзнь появилась и здѣсь, отъ нея умерло 87 человѣкъ, но многие и выздоровѣли, благодаря

f. 66.

f. 67.

f. 68.

f. 70.

¹⁾ Четвертое воскресеніе великаго поста. См. Dillmann, Catalogus Mus. Brit., p. 38 (т. XXXII).

f. 71. ея молитвамъ. Валатта-Петрось получила даръ прозорливости, знала сокровенное, видѣла мысли. Поэтому никто не входилъ къ ней безъ самоспытания. Для своей обширной общины она стала составлять уставъ. Прежде всего она запретила разговоры какъ въ дорогѣ, такъ и во время сидѣнія или стоянія, что согласно съ постановленіемъ 318 отцовъ первого собора. Нарушенія этого правила вызывали въ ней глубокую скорбь и сильное раздраженіе («она болѣла весьма, стонала, каталась по землѣ, такъ что шла и капала кровь...») За это она уподобляется мученикамъ, «ибо страдала за другихъ, и дала душу свою за избавленіе душъ ихъ». f. 72.

f. 73. Въ Дамбоза она жила въ кущѣ близь церкви «табота Квесквама», проводя время въ молитвѣ и самосовершенствованіи. Въ это время пришелъ авва За-Марьямъ, мамхерь Рема со многими монахами, и просилъ ее выстроить имъ церковь въ честь Спасителя на мѣстѣ погребенія ея родителей. Она отвѣтила приглашеніемъ предварительно помолиться. Монахи вернулись, а она цѣлую недѣлю «молилась великимъ правиломъ» въ церкви. Господь послалъ ее строить и обѣщаль Свою помощь. «Тогда отправилась мать наша святая Валатта-Петрось въ Дамбоза на Рема, и съ нею всѣ монахи и монахини. И понесла она покрытіе прежней кущи и начала хорошо постройку, черпая воду въ озерѣ и нося ее на спинѣ. И были съ нею знатныя женщины изъ дочерей господь (wēzäzér), и изъ царскихъ наложницъ (‘eqbëtät), изъ женъ вельможъ (makwanenét); они трудились съ нею и подражали ей, черпая воду и нося глину и камни. И монаховъ было много: одни изъ нихъ оставили отцовъ и матерей, другіе—юность и всѣ хотѣнія плоти; женщины оставили своихъ мужей, а другія были дѣвы, хранившія дѣвство и обручившія себя жениху—Христу... Были и грѣшные и блудные, обратившіеся къ покаянію, и оставившіе прежнія дѣла и сдѣлавшіеся дѣвственными для Христа. Были здѣсь бѣдные и убогіе, слѣпые и хромые, которые находили прють и пристанище у нея. И были открыты ея двери для каждого приходящаго, какъ говоритъ Евангелие: «и грядущаго ко мнѣ не изжено вонъ», и какъ сказалъ Павелъ: «нѣсть Гудей, ни Еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободъ». И былъ во дни ея миръ и любовь; никто не угождалъ себѣ, а ближнему, не было чуждаго и иноплеменного, но всѣ были друзья, съ единимъ сердцемъ и единой душой; и былъ посреди ихъ Христостъ. Это—шестое собраніе. И когда они стали слишкомъ многочисленны, Рема стала для нихъ тѣсна, и не могла вмѣстить ихъ, ибо они увеличивались каждое утро. И дали мѣсто на краю озера по имени Афаръ-Фарасъ ('Afar Faras), сдѣлали ей тамъ келью для нея и сестеръ. А братія поселились въ оградѣ церкви св. Иоанна.

Мать наша жила по очереди въ Рема и Афаръ-Фарасѣ. По утрамъ она возвращалась на Рема и трудилась при постройкѣ церкви; вечеромъ отправлялась въ Афаръ-Фарасъ и ночевала съ сестрами.. И она проводила время въ ежедневныхъ трудахъ, пока не окончилась постройка церкви.. Собрание ея стало очень многочисленнымъ—дошло до 800, и она дала ему уставъ, заимствовавъ изъ св. Писанія, изъ отечника (Zenatä-Abaw), изъ апостольскихъ постановленій, сообразно тому, какъ говоритъ книга Дѣяній; «всѣ вѣровавши баху вкупѣ и имаху вся общая»... (2, 44 сл.). Каждый день они служили единодушно церкви, вмѣстѣ благословляли трапезу, обѣдали въ радости, смиреніи сердца, и благодарили Бога. Не было между ними никого, кто бы сказалъ: «это—мое имущество», но все было общее. Такъ было во дни матери нашей Валатта-Петрось, и великое благоволеніе было къ ней у всѣхъ: ее боялись и почитали, и никто не уклонялся отъ устава. Любили другъ друга, какъ душа и тѣло, братъ—брата и сестра—сестру: никто изъ нихъ не говорилъ: «я буду есть одинъ и одинъ пить и одѣваться», но дѣлились. Если былъ одинъ плодъ, его не ъѣлъ одинъ; когда возлежали за столомъ и подавали чашу, одинъ передавалъ ее другому, говоря: «ты жаждешь больше меня, я крѣпче тебя»; будучи передаваема другъ другу, чаша обходила всѣхъ и возвращалась къ первому брату. Когда выходили на службу или рынокъ братья или сестры, ихъ провожали утромъ съ плачомъ и встрѣчали вечеромъ, улыбаясь и радуясь. Далѣе установила мать наша святая Валатта-Петрось относительно братіи и сестеръ, чтобы они не ходили по одиночкѣ, а вдвоемъ, будь это близко, или далеко, или въ церковь, или къ жителямъ города. Если они пойдутъ въ другой городъ, то она заповѣдала, чтобы монахъ не ъѣлъ за однимъ столомъ съ женщинами, а монахини—съ мужчинами, и чтобы монахъ не останавливался въ томъ домѣ, где находятся женщины, а монахини—гдѣ мужчины. И говорила она: «лучше для васъ, если ваше тѣло съѣдять звѣри, нежели души и тѣла ваши съѣдять діаволы». Остальная ея заповѣди касались того, чтобы не говорить громко, а шепотомъ, не уходить по желанію, а съ позволенія—къ обѣднѣ ли, мыть ли платье, и не пить лекарствъ по своей волѣ. Уходя въ городъ, не ъѣсть не останавливаясь, идя къ обѣднѣ, не разговаривать на пути и при возвращеніи, не приближаться здоровымъ къ зараженнымъ, кроме праздничныхъ дней, не бриться, на каждую службу часовъ ударять въ колоколь, а также для собиранія на молитву трапезы и на молитву сва. Если кто преступалъ этотъ уставъ, великий или малый, она налагала эпитетиумъ въ 40 ударовъ. Старшей послѣ нея была Эхта-Крестосъ и рас-

поряжалась всѣмъ. И это собраніе монаховъ и монахинь работало Богу, и кромѣ Него не имѣло заботъ. Они подчищались подъ ноги матери нашей f. 77. Валатта-Петроcъ, а она пребывала, храня ихъ, какъ зѣницу ока... Если приходилъ къ ней братъ, во гнѣвѣ и гордости, она клала руку на плечо его и касалась его, чтобы вышель изъ него демонъ гордости и гнѣва, и онъ дѣлался тотчасъ кроткимъ и смиреннымъ, падаль къ ногамъ ея и и говорилъ: «согрѣшилъ я, прости мнѣ». Если ей открывалъ кто-либо, что она одержимъ демономъ блуда и невоздержанія, она увѣщевала и утѣшала его, и демонъ удалялся и больше не воевалъ на него. Когда приходили къ ней знатные, отвергшіе почести, мужчины или женщины, она не налагала на нихъ бременъ тяжкихъ и неудобносимыхъ относительно ъды и питія, но предоставляла имъ необходимое, чтобы они не бѣжали и не обратились вспять, ибо они были младенцы сердцемъ какъ f. 78. сказалъ Павель: «яко младенцемъ о Христѣ»... (1 Кор. 3, 23). Такъ и дѣлала мать наша, и не запрещала имъ ничего, но они сами скоро оставляли и начинали участвовать во всемъ по обычаямъ собранія. И мать наша, возлежа съ сестрами за трапезой, когда разносили кушанья съ приправами, закрывала носъ, чтобы не вошелъ запахъ ихъ—онъ былъ для нея похожъ на навозъ, и ей ставили изъ-подъ стола кушанья, сдѣланныя съ пепломъ, и она ъла ихъ, какъ будто это были хорошия яства, съ ними.

Однажды Валатта-Петроcъ, стоя на молитвѣ въ полночь, увидела авву f. 79. Абсади изъ *Магвина*¹⁾ (*Maguinā*) возносимымъ до вратъ седьмого неба, причемъ возносишій его Ангель не могъ войти въ нихъ и остался вѣ, тогда какъ Абсади вошелъ. Въ другой разъ святая отогнала бѣсовъ отъ одной знатной женщины (*âbâj ēmpna wêzâzér*), пришедшей побесѣдоватъ съ нею. Однажды она увидела дѣвушку Амата-Крестосъ, «равной которой f. 80. по красотѣ не было во всемъ мірѣ». Она смеялась и превозносила предъ другими. Святая, подозвавъ ее къ себѣ, осмотрѣвъ съ ногъ до головы гнѣвными окомъ, сказала: «зачѣмъ эта тучность и этотъ смѣхъ... какъ бы я хотѣла пронзить тебя копьемъ и умертвить!» Она ее долго порицала, и потому отослала ее домой. У нея сдѣлался параличъ. Далѣе въ житіи идетъ небольшое отступленіе о подвигахъ *Иларіи*. Она, еще живя въ Мецлэ и служа Валатта-Петроcъ, стала особенно чтить св. Василида. Каждый день она обращалась лицомъ къ Мецлэ, къ его храму, и скакала пѣла: «св. Василидъ! мученикъ Василидъ! сильный Василидъ! приди, помоги мнѣ убогой!» Святой дѣйствительно явился и она, увидавъ его, обрадовалась и

¹⁾ Гора и городъ, къ с. отъ оз. Цана, между р. Саламомъ и Конгомъ въ области Армачо (Куала-Багара).

стала скакать, какъ ребенокъ, увидавшій лицо отца и матери». Братья и сестры часто спрашивали, слушая ея возгласы, съ кѣмъ она говоритъ? Но она не отвѣчала имъ. Однажды св. Василидъ еще болѣе прославилъ ее, остановивъ по ея молитвѣ солнце, пока она не успѣла сходить въ городъ для покупки рыбы для обѣда.

Съ небольшой частью своего общежитія Валатта-Петроcъ ходила на f. 82. *Амба-Марьямъ*; половина другихъ съ Эхта-Крестосъ ходили въ *Бизабѣ*; другая осталась въ Афарѣ-Фарасѣ, сиротствуя безъ своей настоятельницы, которая и сама хотѣла къ нимъ вернуться. Она пошла въ церковь и стала предъ образомъ Богородицы, прося отпустить ее. Изъ образа вышла рука, удержала ее за платье и послышался голосъ: «оставайся здѣсь, я хочу, чтобы ты провела зиму со мною здѣсь!» Святая осталась на Амба-Марьямъ и опять стала молиться у образа, прося указать ей мѣсто дальнѣйшихъ подвиговъ. Голосъ повелѣлъ ей не уходить никуда изъ Афарѣ-Фараса; этотъ голосъ слышалъ одинъ братъ и сталъ спрашивать, съ кѣмъ говорила святая. Она ему открыла только послѣ того, какъ онъ поклялся, что не будетъ разглашать этого до ея смерти. Въ это время умеръ въ Тигрѣ авва Иоаннъ; святая провидѣла смерть его раньше, чѣмъ пришло о ней извѣстіе и оплакала ее. Потомъ она ушла въ Афарѣ-Фарасъ и творила память его на Рема. Вскорѣ вернулась изъ Бизабѣ и Эхта-Крестосъ со своей частью общежитія. Они оплакали вмѣстѣ почившаго брата и стали

f. 84.

по прежнему жить вмѣстѣ на Афарѣ-Фарасѣ. Въ это время царь *Vasiliidъ*, прислалъ къ нимъ Валатта-Гіоргисъ, дочь *'itē* (княгини) Аматы-Крестосъ «для обращенія изъ вѣры франковъ и наставленія въ истинной вѣрѣ, ибо не могли обратить ее всѣ мамхеры, и росла въ ея сердцѣ вѣра франковъ». Но и усилия святой долго были тщетны; монахи хотѣли даже упорствующую побить камнями, но святая скрылась тогда вмѣстѣ съ нею въ кельѣ одной монахини. Здѣсь ей удалось побѣдить обращающую смиреніемъ. Та варила себѣ овощи и во время ея отлучки горшокъ сбѣжалъ и загасилъ огонь. Валатта-Петроcъ, замѣтивъ это, снова зажгла его и поставила горшокъ. Когда Валатта-Гіоргисъ вернулась и увидела это, сказала: «этотъ ты сдѣлала для меня! Я обращаюсь ради твоего смиренія изъ нечистой вѣры франковъ и переходжу въ святую вѣру». Святая пала ей въ ноги и поцѣловала ихъ, и всѣ сестры ликовали съ нею. «И была великая радость въ тотъ день. Когда же она послала письмо благовѣстія по всѣмъ островамъ, всѣ радовались и ударили въ тимпаны, воскликая: «поимъ Господеви, славно бы прославися». «И царь ликовалъ со своимъ дворомъ».

f. 85.

f. 86. Но святую ждало испытание и со стороны единоверныхъ. Ей стали завидовать многие изъ мамхеровъ, когда увидали, что «весь міръ по ней идетъ» и что она превзошла ихъ. Они находили неприличнымъ ей, женщінѣ, быть начальницей (*līqēt*) и наставницей (*mamhērēt*), и ссылаясь на Св. Писаніе, хотѣли запретить ей. Но тутъ всталъ, «учитель вселенной». Фатала-Селасѣ и сталъ обличать ихъ: «Богъ для вразумленія нашего воздвигъ ее;—мы лицемѣры... Онъ отвергъ насть, и мы не можемъ запрещать ей». При этомъ онъ ссыпался на Гамаліила. И стала жить святая по прежнему со своимъ собраніемъ въ любви и мирѣ. Когда однажды не достало у нихъ хлѣба предъ самой субботой и Эхта-Крестосъ уже отчаялась, не зная, чѣмъ кормить больныхъ въ два наступавшихъ праздничныхъ дня послѣ того, какъ она исходила весь городъ и нигдѣ не могла достать взаймы, по молитвѣ святой на другой день прибыла мука на 9 ослахъ. Въ другой разъ остатки хлѣба были чудесно умножены. Наконецъ на *Rēmā* церковь была выстроена. Валатта-Петроcъ извѣстила объ этомъ царя, и онъ прислалъ тельцовъ упитанныхъ, покрывала, ковры. Все «было исполнено по уставу, и она передала таботъ (*agēb'at tabota*), возвеселила людей какъ монастыря сего, такъ и другихъ, пришедшихъ изъ всѣхъ церквей. Случилось это 5-го хамлэ. Затѣмъ, она послала въ область Тигрѣ перенести тѣло брата своего Иоанна... Она встрѣтила его, оплакала, внесла въ храмъ на *Rēmā* и положила въ раку». Въ ту же ночь ей явился онъ и убѣждалъ не плакать о себѣ «ибо часть моя съ мучениками». Вскорѣ Валатта-Петроcъ пошла въ *Жанъ-Факара*¹⁾ къ *wēzaro* Валатта-Крестосъ съ небольшой частью своего общежитія, чтобы посмотреть пустынъ. Она ей понравилась, и она провела у Валатта-Крестосъ великий постъ. Здѣсь она была виновницей двухъ чудесъ: во время предсмертной болѣзни иѣкої Макдаса-Марьямъ, она у ея постели читала 3-й часъ и избавила какого-то Ләэка-Маскаля отъ меча Ангела, а затѣмъ благодаря ей превратилось масло въ сыръ для больной Валатта-Крестосъ изъ Фарэ. Когда царь Василидъ узналъ о томъ, что ее увела Валатта-Крестосъ «разгневался и опечалился и сказалъ: «развѣ она лучше меня, что расхищаетъ мое собраніе?» Валатта-Петроcъ не по своей волѣ пошла искать мѣста, но ее заставило собраніе, говоря: «пойдемъ на другое мѣсто воздѣлывать тамъ поле и пріобрѣтемъ пропитаніе, ибо трудно прокормиться въ Афарѣ-Фарасѣ». Она также не хотѣла жить на одномъ мѣстѣ но любила переходить каждый годъ съ мѣста на мѣсто, какъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ,

¹⁾ Область на в. Вагартъ между р. Колбой и Мана 12°53' д. 37°29' м. Rüppel, Reise in Ab. II, 151. Pereira, Susneyos II, 444.

которые жили въ шатрахъ». Когда ее спрашивали о причинѣ этого и выставляли на видъ, что «всѣ святые держались одного мѣста и говорили: блуждающій съ мѣста на мѣсто—не монахъ; онъ не приносить плодовъ подвиговъ и подобенъ дереву, которое таскаютъ съ мѣста на мѣсто, которое не растетъ и не плодоноситъ», она согласилась съ тѣмъ, что постоянное пребываніе на одномъ мѣстѣ вредно для многихъ монаховъ, содѣйствуя лѣни и появлению дурныхъ мыслей. Изъ Жанъ-Факара она пошла въ Гондаръ, «провела здѣсь немного дней и нашла благоволеніе «у царя. Каждый день онъ навѣщалъ ее, весьма полюбилъ и боялся ее, «какъ госпожи. Приходя къ ней, онъ опоясывался, какъ одинъ изъ воиновъ. «Вельможи и суды (*Wēzäger* и *makwänent*) исповѣдывались предъ ней «съ трепетомъ». Здѣсь она опасно заболѣла. Царь и вельможи, боясь за ея жизнь, напоили ее водой съ Креста Христова, и она исцѣлилась.

f. 92.

Когда она слишкомъ долго не возвращалась въ обитель, сестры стали роптать на нее и Валатта-Марьямъ, ея спутницу, и ей, уступая имъ, пришлось проститься съ царемъ, который подарилъ ей при этомъ область *Lag* (*Lag*)¹⁾ и проводилъ съ большими почетомъ. «Спустившись», она пошла въ Фентеро (*Fëntëro*), гдѣ съ ней стала прощаться Валатта-Марьямъ, не желая возвращаться въ монастырь, гдѣ ею недовольны. Святая упросила ее проводить себя до *Керенъя* (*Qëgëöna*)²⁾ и затѣмъ до *Фогара* (*Fogarâ*)³⁾. Здѣсь они простились и разѣхались на лодкахъ въ разныя стороны. Святая стала тосковать по своей спутницѣ и помолилась о ея возвращеніи къ ней. На Валатта-Марьямъ напалъ ужасъ, и она вѣлья гребцамъ вести себя на Афарѣ-Фарасѣ, куда на другой день прибыла, переночевавъ въ Дамбозѣ, и святая. Съ этихъ поръ онѣ не разставались до смерти. Святая жила въ монастырѣ, подвизаясь наравнѣ съ другими: носила воду для омовенія рукъ, прислуживала за трапезой и садилась сама только по окончаніи благодарственной молитвы, пекла хлѣбы, выметала пыль и нечистоты, носила соръ на головѣ и выбрасывала вонъ, выжимала „*sawâ*“, носила сѣно. «Не было вратъ смиренія, въ которыхъ бы она не вошла... Ее можно было встрѣтить во всѣхъ; будучи госпожей, она сдѣлалась рабыней»... Въ праздникъ Успенія она устроила большую

f. 93.

¹⁾ Область гдѣ-то у ю.-з. берега оз. Цана, см. Pereira, Susneyos II, 381.

²⁾ Въ хроникѣ Сисиннія, изд. Переірой (с. 4154), упоминается „земля Керенъя“: въ нее прибылъ царь во время похода противъ Юлія, перейдя р. Башело и г. Семада. На картѣ д. Аббади „Кагапуо“ стоитъ на р. Тате по ту сторону Абая. Та ли область имѣется въ виду здѣсь—неизвѣстно.

³⁾ Область на з. берегу оз. Цана.

f. 94. трапезу и прислуживала сама всем сестрамъ, старѣйшимъ и младшимъ и „исполнила въ тотъ день все смиреніе, какъ совершилъ его Господь нашъ въ Четвертокъ, умывъ ноги ученикамъ“. Но все-таки на святую нашло вскорѣ уныніе, „ради того, что отказано ей въ дарѣ благодати, который былъ данъ ей въ Вальдеба, когда она была въ уединеніи“. Ова захотѣла уйти на о-въ *Nārgā* (Nārgā), думая такимъ образомъ: „собралось ко мнѣ много людей, но у меня нѣтъ ничего — ни одежды, ни хлѣба, да и къ тому же я не могу выносить волненій многихъ людей,... пустъ приготовить мнѣ лодку, а здѣсь да останется Эхта-Крестость: она можетъ выносить волненія“... Но се отговорилъ Сѣла-Крестость, посовѣтовавъ предварительно вмѣстѣ помолиться сначала одну недѣлю, а потомъ другую и затѣмъ сказа-
лъ ей, что открылъ ему Духъ Святый: „благодать, данная отшельнику — вторая послѣ той, которая дается въ общежитіи. Отшельнику будутъ открыты его собственные дары, чтобы онъ утѣшался ими и не удалялся изъ своего мѣста, а въ общежитіи — по числу, по образу и по росту его, также по нраву. И если ты вынесешь и вытерпишь нравъ всего общежитія — это его благодать“. Она согласилась и сказала, что ей самой Господь сказалъ: „паси овцы и агнцы мои, и не смущайся“....
f. 95. Около этого же времени авва За-селасэ просилъ у нея благословенія своей (монашеской) одежды.—Когда появилась саранча, святая отправила половину своего общежитія къ благотворителю Абала-Крестость въ *Gūinā*, а нѣсколькихъ изъ оставшихся съ нею — на Замболъ (Zambol), сама же поочередно жила въ Афаръ-Фарасѣ и на Замболѣ, переѣзжая ежедневно на лодкѣ. Однажды она подвергалась опасности утонуть и спаслась, благодаря членію молитвы: „Богородице Дѣво, радуйся“ и „Отче наше“. Наконецъ все общежитіе, изъ Афаръ-Фараса и Гуна перешло въ Замболъ — это седьмое общежитіе. Здѣсь она „обновила уставъ“, „собрала монаховъ, чтобы они обѣдали и спали въ одномъ домѣ, младшіе и старшіе, не разлучаясь никогда, кромѣ немногихъ старииковъ. Изъ нихъ выбрала она по волѣ Божіей авву За-Хаварьять и сдѣлала его отцомъ надъ всѣми. И отѣлила людей, которые трудились по домамъ ихъ, и заповѣдала, чтобы они не ходили другъ ко другу ни подъ какимъ видомъ; если же было необходимо, то чтобы, стоя вѣтъ, говорили въ чемъ дѣло. Сестрѣ она раздѣлила по 50, и по числу ихъ на каждый домъ назначила главную. И жили братія и сестры по такому уставу въ мирѣ. Въ эти дни выходила она по ночамъ на воскресеніе съ одвои изъ сестеръ и входила въ церковь въ Фарѣ“. Однажды ночью она хотѣла читать Евангеліе отъ Іоанна и послала эту сестру принести огня. Та не могла найти, и ей былъ спущенъ съ неба

„свѣтильникъ свидѣнія“ (mähtota sam'ě). Скоро на Замболѣ собралось до 900 подвижниковъ и подвижницъ. Опять появилась эпидемія, такъ что многихъ пришлось погребать въ одной могилѣ каждый день. Среди монаховъ былъ красивый юноша Бѣзѣ-Маскаль (Bézâ-Masqal), сынъ Аматадентель. Святая, видя его, всегда желала ему смерти и просила Бога поскорѣе взять его; тоже дѣлала и мать его. Спустя 40 дней послѣ постриженія онъ служилъ за трапезой, и въ тотъ же день заболѣлъ и черезъ три дня умеръ. Всѣ ужасались, что его смерть случилась такъ скоро, что о ней раньше узнали, чѣмъ о болѣзни. Но святая радовалась и упрекала его мать за то, что та при первомъ извѣстіи помалодушествовала и стала горевать, запретила даже плакать при его погребеніи. Его похоронили въ церкви съ пѣніемъ и пѣснями, и прочли надъ нимъ „книгу усопшихъ“. Послѣ этого пришелъ къ святой авва За-Хаварьять и сказалъ: „чего мы бездѣствуемъ при этомъ ударѣ смерти, который убиваетъ внезапно и спѣшить каждый день. Я думаю, слѣдуетъ намъ назначить молебствіе и заклинаніе „славословіемъ Возлюбленнаго“ (Sëbhata-Fequr)¹⁾, чтобы отвратить отъ насть Богъ это прираженіе, и явить на насть милость и милосердіе свое“. Святая отвѣчала, что это не ударъ, а милость Божія, и на недоумѣніе аввы, послѣ долгаго сопротивленія, она рассказала слѣдующую, мало понятную исторію: „вечеромъ сидѣла я въ кельѣ противъ дверей и видѣла дѣвушекъ, державшихъ себя непристойно и вольничавшихъ между собой. Воспыпало сердце мое, стала я спорить съ Богомъ, говоря: „зачѣмъ посадилъ Ты меня видѣть это? Молю Тебя и прошу, возьми отъ меня пощеніе, которое Ты мнѣ вручилъ или, если нѣтъ, возьми душу мою. Лучше мнѣ погибнуть, чѣмъ видѣть погибель этихъ дщерей моихъ. Тогда пришелъ Онъ ко мнѣ, утѣшилъ и сказалъ: „не бойся, Я услышалъ молитву твою и исполнилъ желаніе твое“. И было съ Нимъ 7 черныхъ рыбь и 7 юныхъ и тучныхъ и одна старуха. И сказалъ онъ мнѣ: возьми этихъ рыбь, чтобы онѣ исполнили волю твою и размѣсти ихъ въ 7 домахъ сестеръ по одной. А старуха пусть остается у тебя. И было, какъ Онъ сказалъ мнѣ. И посему я говорю тебѣ: это — милость Божія. И въ этотъ день умерло 147 братьевъ и сестеръ и переселились они отъ тру-

f. 97.

f. 98.

¹⁾ Эт молитва имѣется въ рукописи 107 Парижской Национальной Библиотеки (Zotenberg, Catal., p. 98). Она предназначена для того, чтобы „Христіане заклинили ею во время напастей“, и послѣ вступленія, состоящаго изъ исповѣданія грѣховъ, Символа вѣры и Молитвы Господней, состоять изъ ряда стиховъ, на гласъ эзель съ тремя или двумя „Аллилуїа“ за каждымъ. Пѣть ее надо „высшимъ гласомъ“.

довъ въ покой, и отъ скорби къ радости"... Святую спрашивали объ ихъ участіи, всѣ ли они спаслись, или половина ихъ погибла. Она отвѣчала, что никто изъ нихъ не осужденъ, что всѣ они „на 4-хъ углахъ неба“, не за ея праведность, а по милости Божіей. — Въ эти дни „смутилась“ сестра Фекрата-Крестосъ и захотѣла уйти изъ монастыря. Когда увѣщанія не подѣствовали, она заболѣла „по молитвамъ“ святой и умерла, а 21 нахасѣ заболѣла она сама, и удалилась къ кельямъ монаховъ. Здѣсь явился ей Ангелъ съ благовонными райскими дрѣтами. Потомъ ее перенесли къ церкви въ Фарэ и положили въ кельѣ одной монахини. Болѣзнь усиливалась. Всѣ стали усиленно молиться, читать заклинательную «молитву Возлюбленнаго» по 7 разъ на день. Всѣ вопили и катались по землѣ. Одна изъ старухъ, помолившись въ б чась дня рассказала, что видѣла образъ Богородицы въ видѣ скорбной женщины и, по окончаніи молитвы пошла къ Валатта-Петросъ и нашла ее сияющей. А С'эла-Крестосъ рассказалъ, что къ ней явился діаволъ подъ видомъ ангела съ кадиломъ, а послѣ него—Ангелъ съ крестомъ, который насильно благословилъ ее. Наконецъ, по другимъ, явилась ей Божія Матерь и обѣщала еще на короткое время сократить ея жизнь для ея чадъ. Тѣмъ не менѣе, чувствуя приближеніе смерти, святая пожелала уѣхать на Рѣмѣ, чтобы тамъ быть погребеной. 23 маскарама она простились съ братіей и сестрами. При этомъ сказали авва За-Селасэ: „устали колѣна мои отъ стоянія, охрипла гортань моя отъ воскликаній, притупились глаза мои отъ дыма кадильного днемъ и ночью съ тѣхъ поръ, какъ начался моръ, до сего времени. И нѣть мнѣ покоя. Тѣ, которые видять и слышать, отвращаются отъ насть. Довольно съ насть, и да отвратится отъ насть этотъ моръ!“ Святая отвѣчала: „и такъ, ты хочешь, чтобы онъ остановился?“ Онъ отвѣтилъ: „да, хочу“. Она сказала: „если хочешь, да будешь, какъ ты сказалъ.“ И моръ остановился. Затѣмъ ее повезли на лодкѣ въ Рема, гдѣ она хотѣла умереть и быть погребеной въ усыпальницѣ родителей своихъ. Привезя, положили ее въ кельѣ одного монаха и никого не пускали къ ней, кромѣ духовника—аввы С'эла-Крестоса; посѣщавшаго ее послѣ 3-го часа дня; при ней была кромѣ того Фаласита-Крестосъ. Ночью она читала псалмы, днемъ—Евангеліе. Въ четвергъ предъ своей кончиной она видѣла 14400 виолеемскихъ младенцевъ, рѣзвившихся у нея. Въ этотъ же день собрались къ ней мамхеры Рѣмѣ: авва За-Марьямъ, авва Кефла-Самаэтъ изъ Гонда, всѣ братья и сестры. Святая велѣла принести *Мацхаба-Хави* и *Хеница-Манакосатъ* и другія книги и читать изъ нихъ главы, содержащія правила монашеской жизни. Послѣ чтенія она сказала: „я чиста предъ всѣми людьми; я иду къ

Богу моему. Всакій, кто хочетъ ступать по заповѣдямъ этихъ книгъ, да ступаетъ. Мой отецъ да попечется о себѣ, и грѣхи его—на главѣ его, нѣть ему заботы обо мнѣ“. Затѣмъ она отпустила ихъ. На другой день—въ пятокъ, она рассказала духовнику о явленіи Спасителя, который сказалъ ей трижды: „трудившійся въ мірѣ, живъ будетъ во вѣки и не узрить пагубы“. Затѣмъ вдохнулъ ей въ лицо и сказалъ: „Я поставлю тебя архидіаконисой“. Въ субботу болѣзнь еще болѣе усилилась. Всѣ собрались въ церковь и творили молитву заклинанія (*salota mѣhla*), и была великая печаль. Въ 9 часу пришли къ ней авва За-Марьямъ, авва Кефла-Самаэтъ, авва За-Микаэль и авва С'эла-Крестосъ, и прошли назначить преемника, ссылаясь на Моисея и Илію. Святая отвѣчала: „много лѣтъ я правила вами, теперь говорю вамъ: „управляемые, будьте отнынѣ свободны и живите, какъ хотите, и охраняйте сами себя. Есть ли братъ или сестра, кого бы я не наставила и не увѣщевала? Всѣ вы научены и достаточны для самихъ себя. Только говорю вамъ и поручаю всѣмъ вамъ Эхта-Крестосъ, ибо я оставляю ее и ухожу; она остается одна, безъ надежды,—кромѣ меня у нея нѣть надежды!“ Сказавъ это въ 3-й часъ, она ихъ отпустила. Затѣмъ у нея отнялся языкъ. Дверь въ келью загородили и не пускали никого. Всѣ собрались въ церкви къ вечернѣ и повечерію, заклинали и молились. „Въ полночь съ субботы на воскресеніе 17 хедара вышла душа исъ плоти ея, и упокоилась она въ мірѣ“. „Дней ея — 50 лѣтъ; до отверженія (міра) 24, и по отверженію—26. Въ этотъ день водрузился свѣтоносный столпъ и былъ видѣнъ во всемъ мірѣ. Всѣ собрались со всѣхъ острововъ и всѣхъ областей, ибо она была имъ матерью. И оплакали ее великимъ плачемъ и великимъ рыданіемъ, подобно чадамъ Іакова. О какой это былъ тамъ плачъ и рыданіе, какой стонъ и вопль! Не смотрѣль одинъ на другого; всѣ скорбѣли и тужили. Въ этотъ день нельзя было отличить монаха — они сняли свои клобуки. Погребли ее въ милоти, по уставу монашескому, проводили ее съ пѣніемъ и пѣснями и похоронили у вратъ церковныхъ, положивъ въ землю безъ гроба“.

Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе объ 11 чудесахъ святой. „Слушайте, мы повѣдаемъ вамъ о силѣ чуда, происшедшаго по успенію матери нашей святой Валатта-Петросъ, о которомъ мы слышали и которое видѣли, которое совершающееся въ день памяти ея каждый разъ отъ 30-го года до скончанія вѣка, и о томъ, какъ сходитъ благословеніе Божіе на всѣхъ, творящихъ память ея. Собралось безчисленное множество людей съ острововъ, съ горъ (монастырей), изъ обителей (сб. „мѣсть“ *mѣkânât*), пустыней f. 103. f. 104.

изъ всѣхъ странъ. Были среди нихъ и мамхеры, и іереи, и діаконы и монахи, съ кадильницами и крестами, были и убогіе, и бѣдные, хромые и слѣпые, ибо стала извѣстна слава ея во всѣхъ концахъ вселенной. Дали имъ много пищи и питія по степенямъ ихъ и по числу ихъ, и они обильно насытились". Тутъ же совершилось *первое чудо* — умноженіе тѣста, прекратившееся однако послѣ того, какъ одна болтливая сестра стала разглашать обѣ этомъ, ибо „скорый на рѣчи отгоняетъ благословеніе Божіе". *Второе чудо* совершилось надъ монахомъ изъ города *Вайбна* (Waibnā), по имени Анкаца-Марьямъ, казначеемъ въ Меерафа Эгзээтна Марьямъ (Mē'ərāfa Ḫegzē'ētna Marjām). Онъ впалъ въ параличъ, и всѣ усилия врачей вылечить его, были безуспѣшны. Тогда онъ попросилъ вести себя на островъ *Цанѣ*, чтобы помолиться св. мученику Кирику или, въ худшемъ случаѣ, быть погребеннымъ тамъ. Но исцѣленія не послѣдовало, и онъ рѣшилъ вернуться домой въ виду того, что его близкимъ трудно на Цана поминать его. Когда его везли мимо Рема, онъ вспомнилъ о могилѣ Валатта-Петроcъ и попросилъ гребцовъ принести его къ ней. Оставшись наединѣ у могилы, онъ приложился къ ней и легъ на нее, потомъ сказалъ съ твердой вѣрой: „помоги мнѣ мать моя и помилуй меня; я вѣрую и исповѣду, что если ты праведна, можешь исцѣлить меня... Если же не тѣ — ты не праведна". Проведя нѣсколько часовъ на могилѣ, онъ исцѣлился и сталь на ноги, самъ дошелъ до судна, шелъ пѣшкомъ и съ берега, неся сумку съ ёдой, „подобно разслабленному; несшему одръ свой". „Онъ живъ и до сихъ поръ" ... *Третье чудо* совершилось надъ однимъ землевладѣльцемъ изъ *Цаламетъ* (Salamēt) въ *Тигре*, дававшимъ ежегодно десятину *валдебскимъ* монахамъ. Когда появилась въ окрестностяхъ саранча, эти монахи посовѣтовали ему дать обѣтъ Валатта-Петроcъ, посвятить ей часть полей и творить ея память. Саранча, истребивъ все вокругъ, не тронула его полей, хотя онъ сидѣлъ дома и не принималъ никакихъ мѣръ, между тѣмъ какъ его сосѣди трудились, ходили по своимъ полямъ, кричали и пытались охранить ихъ и прогнать саранчу". Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ежегодно 17-го хедара творить память святой и кормить бѣдныхъ. „И не сходило съ устъ его поминовеніе имени ея". *Четвертое чудо* исцѣлило отъ тяжелой болѣзни сына одной женщины въ *Дакъ* (Daq), которая „любила святую и творила память ея" и дала обѣтъ дѣлать это ежегодно. Однажды у нея остался всего одинъ сосудъ съ напиткомъ sawā, который она берегла для бѣдныхъ въ день памяти святой. Въ это время прибылъ въ городъ его владѣтель мамхерь изъ *Дага* (Dāgā) и посѣтилъ ее. Долго она колебалась

угостить ли его этимъ напиткомъ: „если я дамъ его бѣднымъ и не дамъ мамхеру, онъ обидится на мене, если же лишу его бѣдныхъ, прогнѣвается на мене мать моя Валатта-Петроcъ, ибо я упущу память ея и нарушу обѣтъ мой". Наконецъ она рѣшилась угостить мамхера „ради его власти и ради его пришествія". Посланная за сосудомъ прислуга нашла вмѣсто одного пѣлыхъ два, такъ что можно было и угостить наставника и принять бѣдныхъ. *Пятое чудо* испытала на себѣ женщина, шедшая на богомолье со „свѣтильникомъ свидѣнія" (mahtotâ-sam'ë), чтобы отдать его въ церковь во имя святой 17-го хедара. На дорогѣ она заснула и забыла его на деревѣ. Спохватившись, она стала упрекать святую: „зачѣмъ ты такъ поступила со мною и посрамила меня? Зачѣмъ обратила въ печаль мою радость?" Отъ отчаянія и усталости она опять легла подъ другимъ деревомъ. Святая вернула ей свѣтильникъ чрезъ козу, принесшую ей его во рту. Женщина съ радостью пошла въ церковь *Мабаръ* (Mâbar), отдала свѣтильникъ и рассказала чудо всѣмъ, слѣдя словамъ: „благовѣстихъ правду Твою въ церкви велицѣй". *Шестое чудо* спасло отъ потопленія на озерѣ монаха, прибывшаго изъ *Герарья* (Gēgārjā)¹⁾ извѣстить въ общежитіи святой о смерти мамхера Ямана-Крестоса. Добравшись благополучно послѣ бури, благодаря пропѣтой молитвѣ къ святой, онъ рассказалъ ея чадамъ это чудо и по ихъ просьбѣ пропѣть имъ эту молитву „великимъ пѣнiemъ" (Zēmā). *Седьмое чудо* совершилось надъ одной монахиней, которая носила всегда на шее книгу со славословіемъ „подобія" (malk'ë) въ честь святой и галгоеской молитвой. Она ихъ читала ежедневно. Однажды, прия на озеро мыть платье, она сняла книгу, положила на камень и забыла. Вернувшись домой, она спохватилась и побѣжала искать, но книги не оказалось уже: ее взялъ рыбакъ, ничего въ ней не понимавшій. Монахиня въ горѣ стала молиться святой и просить другихъ за нее помолиться о возвращеніи книги. Между тѣмъ рыбакъ носилъ книгу по городамъ и домамъ, но не находилъ покупателя; его всѣ спрашивали: откуда она у тебя? Не принадлежитъ ли она общежитію? Самъ ли ты взялъ ее, или тебѣ даль другой воръ? Мы не купимъ у тебя книги, краденой, въ которой чудеса, и не будемъ соучастниками въ чужомъ грѣхѣ. Участвующій съ воромъ — самъ воръ!" Наконецъ онъ хотѣлъ нести ее подальше, но тутъ ему трижды ночью явилась святая и грозно повелѣла вернуть книгу назадъ, обѣщая послать съ нимъ другого человѣка, чтобы ему не было неловко. Этотъ человѣкъ началъ за него

f. 109.

f. 110.

f. 111.

f. 112.

f. 113.

¹⁾ Область, въ которой находится Дабра-Либаносская обитель.

говорить, а затѣмъ и онъ самъ рассказалъ все происшествіе и, кромѣ того, по просьбѣ игуменіи, болѣе подробно о явленіи святой. Подобно этому было и *восьмое чудо*. Въ городѣ *Семазра* (Sēmāzrā) жила одна женщина, и къ ней пришла старица изъ общежитія. Она стала къ ней ходить каждый день, и старица предложила ей остаться у нея и научиться грамотѣ и шитью. Та отказалась и осталась жить въ городѣ. Потомъ она незаконно родила и понесла младенца въ монастырь, вошла въ келью старицы и украла книгу „Малькэ“ въ честь Валатта-Петроcъ, принадлежавшую другой сестрѣ. Послѣдняя скоро спохватилась и распросивъ другихъ сестеръ, погналась за похитительницей, но та отреклась и поклялась: „Боже Валатта-Петроcъ! яви чудо Твое на мнѣ и отдай тѣло мое птицамъ небеснымъ!“ Та спросила въ другой разъ, она поклялась еще, прося Бога предать ее гиенамъ. Монахиня стала усиленно молиться святой, думая, однако, что „если она не возвратить мнѣ книги, я не буду никогда болѣе призывать имени ея и не буду жить въ ея общежитіи, но пойду въ другое, въ другой городъ“. Между тѣмъ похитительница тщетно пыталась сбыть книгу; всѣ отказывались покупать увидавъ въ ней имя „Валатта-Петроcъ“ и догадавшись, что книга—краденая изъ общежитія. Она ходила на о-въ *Гуангюйтъ* (Gūāngyít), обходила многие города, но все тщетно, и она рѣшилась добровольно возвратить книгу. Возвращаясь изъ монастыря, она заснула, и ночью гиена откусила ей ступню ноги. *Девятое чудо* произошло чрезъ полгода по кончинѣ святой. По молитвѣ одной монахини святая удержала въ расколовшемся сосудѣ напитокъ sawâ, приготовленный по случаю ея памяти. Въ тотъ же день пришла на богомолье женщина съ больнымъ и разслабленнымъ ребенкомъ, не могла найти лодки для переправы на Рема, где она хотѣла взять земли съ могилы святой для его помазанія. Ей дали хлѣба и sawâ, и она поѣла, выпила, и помазала этимъ напиткомъ глаза ребенку, который тотчасъ исцѣлился.

Подъ именемъ *девятаго чуда* авторъ житія рассказалъ о чудесномъ происхожденіи своего труда, написанного по повелѣнію свыше. Объ этомъ мы уже имѣли случай говорить. Наконецъ, подъ *одиннадцатымъ* рассказы три чуда: о томъ, какъ одна женщина, жившая у рѣки Ребъ (Rēb), желавшая во-время вернуться домой, остановила именемъ святой солнце; о томъ, какъ она же, попавъ со многими другими подъ сильную грозу, дала обѣтъ имѣтъ съ ними творить память святой, послѣдствіемъ чего было то, что дождь и гроза, свирѣпствуя спереди и сзади и по сторонамъ, ихъ не коснулись. Третье чудо совершилось въ домѣ этой женщины, принимавшей чадъ святой и пожалѣвшей для нихъ напитка sewâ,

единственный сосудъ которого былъ ею оставленъ „для болѣе важнаго странника“. Когда въ немъ оказалась надобность, онъ былъ найденъ пустымъ, хотя былъ плотно закрытъ и не имѣлъ ни одной щели.

Уже простое изложеніе содержанія этого пространнаго агиологического памятника достаточно для того, чтобы убѣдить въ его глубокомъ интересѣ и важности для историка. Будучи написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ благополучнаго исхода тройного испытанія, посѣтившаго несчастную страну въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, напора ислама, происковъ папизма и междоусобныхъ смутъ, этотъ памятникъ является въ высшей степени цѣннымъ, особенно для ознакомленія съ дѣятельностью невидимыхъ двигателей въ великой борьбѣ, когда былъ поставленъ вопросъ, быть или не быть эзопской церкви. Официальные хроники говорятъ намъ главнымъ образомъ о военной сторонѣ этой эпохи, иногда касаясь наиболѣе видныхъ проявленій религіозной жизни; данное житіе раскрываетъ предъ нами двери обителей, бывшихъ очагами протesta и вдохновителями вѣрныхъ сыновъ родной церкви. И при этомъ нельзя упускать изъ вида, что оно написано еще въ первомъ поколѣніи по кончинѣ святой, когда всѣ помнили какъ события времени, такъ и ея подвиги. Эти же, близкія къ нашему времени, события извѣстны намъ съ достаточной подробностью изъ разнообразныхъ и многочисленныхъ источниковъ. У насъ есть прекрасная эзопская хроники, есть официальные документы, есть наконецъ записки португальскихъ пропагандистовъ. Хотя послѣдняя для насъ и не всегда доступны, но все же мы располагаемъ богатымъ материаломъ для изученія эпохи и оценки нашего житія. Прежде всего придется отмѣтить то обстоятельство, что до сихъ поръ нигдѣ не найдено упоминаніе о Валатта-Петроcъ. Что его нѣтъ въ эзопскихъ хроникахъ—понятно. Краткія для этого слишкомъ кратки, а пространная, изданная Перейрой, почему то умышленно обходить все, что относится до римской пропаганды; было бы странно

искать въ ней имени Валатта Петросъ, когда она не упоминаетъ даже о „патріархѣ“ Альфонсѣ. Что касается португальского духовенства, то оно слишкомъ увлекалось рассказами о своихъ побѣдахъ. Впрочемъ внимательное изученіе ихъ твореній можетъ быть еще и обнаружить гдѣ нибудь имя этой убѣжденной противницы Рима, тѣмъ болѣе, что она по своимъ родственнымъ связямъ стояла близко ко двору. Отецъ и два брата ея Лесана-Крестосъ и За-Манфасъ-Кеддусъ упоминаются три раза въ пространной хроникѣ. „Лесана-Крестосъ, сынъ Бахръ-Сагада“, оказывается въ числѣ приверженцевъ и приближенныхъ Сисиннія. Когда послѣдній еще не царствовалъ, и его братъ Б'ела-Крестосъ, боясь гибели царя Заденгеля, бѣжалъ къ нему, съ нимъ былъ только Лесана-Крестосъ, и они втроемъ встрѣтили пасху въ области Амонатъ¹⁾. Въ день первого вступленія Сисиннія на престолъ „изъ многихъ макваненовъ“ говорить хронистъ, „которые были съ ними, мы упомянемъ слѣдующихъ: рась Амана-Крестосъ, рась Сеела-Крестосъ, сахафаламъ Сено, Іонаилъ, азажъ Кефло, Сембуль-Сарсо и Лесана-Крестосъ, сынъ Бахръ-Сагада...²⁾. Наконецъ во время своего эфемернаго вторичнаго царствованія Іаковъ „провелъ Пасху въ Бегамедрѣ; въ день распятія онъ убилъ нѣсколько невинныхъ по навѣтамъ клеветниковъ, а именно: Дело, сына азажа Бабо, За-Марьяма, сына азмача Харбо и За-Манфасъ Кеддуса, сына азмача Бахръ-Сагада и еще четырехъ человѣкъ. „И казнивъ ихъ, онъ опечалился сердцемъ...³⁾. Поводомъ къ наговорамъ и подозрѣнію, вѣроятно служили отношенія брата казненнаго къ Сисиннію. Послѣ окончательного торжества послѣдняго, эти отношенія должны были еще болѣе укрѣпиться, и вѣроятно царь имѣлъ основанія дорожить ими, если напоминаніе о нихъ, какъ мы

¹⁾ Chronica de Susenyos, rei de Ethiopia въ изд. Pereira, с. 20, 44.

²⁾ Ibid. 22, 61.

³⁾ Ibid. 27, 101.

видѣли, неоднократно удерживало его отъ крайнихъ мѣръ по отношенію къ Валатта-Петросъ¹⁾). Мужъ послѣдней Малька-Крестосъ въ житіи названъ „главнымъ совѣтникомъ“ Сисиннія. На страницахъ, не только пространной, но и краткихъ хроникъ, а также въ запискахъ португальцевъ мы то и дѣло встрѣчаемъ это имя; его носилъ бехтъ-вададъ и абетохунъ, сынъ везаро Маскаль-Эбая, котораго франки называли третьимъ послѣ царя (вторымъ былъ братъ царя—рась Села-Крестосъ, известный убѣжденный папистъ, встрѣчающійся и въ нашемъ житіи), пользовавшійся его особымъ довѣріемъ и умершій во второмъ году царствованія Василиса. Вѣроятно Малька-Крестосъ тожественъ съ этимъ. Житіе м. пр. говоритъ о томъ, что убийца митрополита Симеона отдалъ ему его одѣяніе; изъ хроники мы узнаемъ, что действительно Малька-Крестосъ участвовалъ въ усмирѣніи бунта Юлія, во время котораго погибъ митрополитъ; узнаемъ также, что военная добыча была роздана царемъ участникамъ похода. Правда, краткая хроника говоритъ, что Малька-Крестосъ былъ мужемъ какой то Walata Dadget Гадама-Куараца. Это наименованіе для меня непонятно. Что значитъ walata dadgѣt? Имя ли это, правда достаточно странное, или должно обозначать „дочь Dadgѣt? Въ такомъ случаѣ, что обозначаетъ Dadgѣt? Если это имя, то женское. Гадама-Куараца—мѣстность на в. берегу оз. Цана, упоминаемая и въ нашемъ житіи (f. 58 и 62). Во всякомъ случаѣ здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду вторая жена Малька-Крестосъ, которую онъ взялъ послѣ того, какъ святая его окончательно покинула; съ этого времени до его смерти прошло 18 лѣтъ. То, что сообщаютъ намъ португальцы о Малька-Крестосѣ, весьма интересно. Онъ былъ не только въ родствѣ съ абиссинской царской фамиліей, но имѣлъ въ своихъ жилахъ и кровь адальскихъ мавровъ, былъ соперникомъ Села-

¹⁾ Напр. братья ея любятъ тебя и ревнуютъ о царствѣ твоемъ (f. 52)—доводъ, имѣвшій не послѣднее значеніе въ это смутное время.

Крестоса и врагомъ португальскихъ пропагандистовъ. Его связь съ восточными, мусульманскими областями имперіи и сказаніе житія о женитьбѣ на „дочери изъ знатнаго рода въ Даваро и Фатагарѣ“ пополняютъ другъ друга; то, что сообщаетъ намъ житіе объ его отношеніи къ религіозному вопросу эпохи также гармонируетъ съ его двусмысленнымъ положеніемъ, какъ монофизита и врага Села-Крестоса съ одной стороны, и близайшаго сподвижника отступника-царя съ другой. Первый разрывъ съ мужемъ произошелъ у святой, дѣйствительно, не изъ-за религіозного разлада, а изъ-за склонности ея къ аскетизму; ей было только непріятно, что онъ состоится воиномъ у Сисиннія „царствовавшаго въ вѣрѣ франкской“. Малька-Крестосъ идетъ къ ревностной монофизитѣ Валатта-Гіоргисъ и столпу національной церкви—аввѣ Фатла-Селасѣ, ихъ именно избираетъ посредниками между собою и женой и обѣщаетъ перестать быть воиномъ царя. Что сдержать обѣщаніе онъ былъ не въ силахъ, понятно само собою, и мы опять его видимъ въ войнѣ съ Юлемъ, бывшой роковой для митрополита Симеона. И тутъ Валатта-Петросъ не упрекаетъ его въ папизмѣ, она только считаетъ его сообщникомъ убійцы іерарха. Участіе Малька-Крестоса въ этой войнѣ засвидѣтельствовано хрониками; изъ этого мы заключаемъ, что онъ не былъ фанатикомъ и враждовалъ противъ пропаганды скорѣе изъ-за личной ненависти къ Села-Крестосу; это отсутствіе фанатизма можетъ быть объяснить намъ и сказаніе житія о томъ, какъ онъ поручилъ свою жену попеченіямъ „патріарха“ Альфонса.

И другія историческія лица, упоминаемыя въ нашемъ житії, встрѣчаются въ хроникахъ и запискахъ португальцевъ, при чемъ не оказывается противорѣчій. Только что приведенные нами авва Фатла-Селасе и Валатта-Гіоргисъ извѣстны изъ этихъ источниковъ, какъ ревностные монофизиты. Первый названный въ житіи „учителемъ вселенной“ (f. 86) и занимающій въ немъ видное мѣсто, упоминается въ пространной

хроникѣ Сисиннія по случаю собора, состоявшаго велиkimъ постомъ 13-го года¹⁾ этого царя по роковому вопросу о соединеніи и помазаніи. „Собралось много монаховъ и отшельниковъ съ озера и суши и изъ всѣхъ областей, подвластныхъ царю, и составили соборъ предъ нимъ и предъ всѣми вельможами царства, и разсуждали между собою по вопросу, поставленному раньше, пока царь возвратился съ похода. Одни изъ нихъ говорили, подобно азажу За-Денгелю и аввѣ Кефла-Крестосу, сообразно ихъ прежнему мнѣнію: „соединеніе Божества Господа и Спаса нашего Іисуса Христа было вмѣсто помазанія плоти Его“. Другіе, подобно аввѣ Фатла-Селасѣ, аввѣ Аскалу изъ Аткани, аввѣ Лебсо изъ Гуанджа, аввѣ Батро, аввѣ Стефану и другимъ многимъ монахамъ съ озера и суши, говорили: „Отецъ—Помазуяй, Сынъ—Помазанный и Духъ Святый—Помазаніе“. „И было великое пререканіе между ними“... Царь произнесъ длинную рѣчь и привелъ тексты, склоняясь ко второй партії: За-Денгель и Кефла-Крестосъ были отлучены; послѣдній даже получилъ прозвище „Кафалѣ-Крестосъ“—„раздѣлитель Христа“²⁾. Такимъ образомъ здѣсь мы присутствуемъ при знаменитомъ христологическомъ спорѣ еще въ первой стадіи, когда крайніе монофизиты довольноствовались однимъ указаніемъ на „помазаніе“, не соединяя въ одномъ лицѣ Іисуса Христа всѣхъ „Дѣйствующихъ въ помазанії“³⁾. Кромѣ того это извѣстіе открываетъ намъ болѣе ранній periodъ спора, до его мнимыхъ первоначальниковъ Акала-Крестоса и Николая, и дѣлаетъ предположеніе объ его прямой зависимости отъ франкской пропаганды менѣе несомнѣннымъ. Внутреннее развитіе абиссинскихъ монашескихъ толковъ и „ученій“, я думаю, могло и самостоятельно привести

¹⁾ 1622—3.

²⁾ Pereira, Susneyos I, 236 (Cap. 59). Guidi, Uno squarcio di storia ecclesiastica di Abissinia, p. 11 sq.

³⁾ В. В. Болотовъ, Нѣсколько страницъ изъ церк. исторіи Эгіопіи, 72.

къ столкновеніямъ на почвѣ Христологіи; франки могли только ускорить процессъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ какъ будто нѣть строгаго различія монашескихъ партій: за помазаніе высказываются „многіе монахи съ озера и суши“, и въ числѣ ихъ Фатла-Селасе; монахи острововъ были, какъ мы знаемъ, добра-либаносскаго устава.

Везаро Валатта-Гіоргисъ, дочь царя Сарда-Денгеля, и въ хроникѣ выступаетъ противницей римскихъ новшествъ и даже вдохновительницей всѣхъ протестовъ противъ нихъ. Интересно, что ея судьба была подобна участіи Валатта-Петросъ—и она попала подъ царскій судъ. По усмиренію возстанія Юлія, Сисинній „повелѣлъ, чтобы предали суду везаро Валатта-Гіоргисъ, какъ основаніе волненій съ самаго начала. Она заложила зданіе смуты и соорудила постройку бунтовъ древнихъ и новыхъ, чтобы воздвигнуть домъ неправды, въ которомъ творится вражда къ царямъ, сокрушение ихъ царства, смерть ихъ людей и погибель ихъ городовъ. И въ часъ суда сказалъ ей царь: „скажи мнѣ, обвиняла ли ты меня и клеветала ли на меня предъ мақваненами и всѣми вельможами царства и везазерами, говоря: свяжетъ васъ царь въ мѣсяцъ сенѣ, ибо онъ измѣнилъ вѣрѣ александрийской и увѣровалъ въ римскую; и васъ переведеть въ эту вѣру противъ вашей воли?“ Слушая это, она молчала и заключила уста свои, и не могла отвѣтить, ибо были на судебнай площади люди, которымъ она говорила эти слова обвиненія, ибо она боялась ихъ, чтобы они ее не заподозрили. Немного спустя, она открыла уста свои и отвѣтала: „мое обвиненіе было не къ бунту или разрушению царства, но я обвиняла кротко, какъ всѣ люди“. Услыхавъ это, передали царю, и царь отвѣталъ ей: „какъ могло быть твоє обвиненіе кроткимъ? кто спасся отъ смерти изъ тѣхъ, на кого ты клеветала? Не царь ли Іаковъ, когда ты говорила на него, собравъ людей: „и онъ измѣнилъ вѣрѣ, сломалъ крестъ и гадаль по жиру. подобно Галласамъ и блудить съ тѣмъ, съ

кѣмъ не должно человѣку? Или царь За-Денгель, когда ты говорила бѣ немъ: „онъ пріобщился по-франкски и повелѣлъ Ѣсть гиппопотама? „Развѣ такими клеветами не разрушилось царство ихъ, и не сошли они въ мірѣ отцовъ своихъ? И мнѣ хотѣла сдѣлать ты зло, подобно имъ, но Богъ спасъ меня отъ яда клеветы твоей, который убиваетъ тайно“. Судъ кончился изгнаніемъ виновной въ годжамскую область Харасма¹⁾.

Одноименная съ ней дочь княгини (ite) Амата-Крестосъ въ нашемъ житіи выступаетъ наоборотъ, убѣжденной неофиткой папизма, и царь Василий нашелъ необходимымъ отправить ее для обращенія въ монастырь къ Валатта-Петросъ, которая также долго не имѣла успѣха²⁾. Хроника Сисиннія не упоминаетъ о ней, но разъ говорить о ея матери, дочери Гвѣдамо, брата Хамалмала-Варкъ, матери Сисиннія. Такимъ образомъ, она приводилась двоюродной сестрой царю, была къ нему привязана, пользовалась при дворѣ вліяніемъ. Чтобы угодить царю, она даже приняла унію, но іезуиты были увѣрены, что въ душѣ она осталась вѣрна родной церкви; они говорятъ, что у нея находили поддержку монофиситскіе монахи³⁾. Дочь ея, конечно, могла подпасть подъ болѣе сильное вліяніе царя и іезуитовъ. Наконецъ въ житіи упоминается еще одна Wezaro—Валатта-Крестосъ на Жанъ-Факара⁴⁾. Изъ краткой хроники мы узнаемъ, что это была сестра царя Василида, умершая въ 17-й годъ его царствованія въ Жанъ-Факара⁵⁾. Дѣятельность сподвижниковъ Сисиннія по распространенію уніи—Села-Крестоса и Бѣла-Крестоса, и въ нашемъ житіи нашла себѣ вѣрное изображеніе.

¹⁾ Pereira, Susneyos c. 49, 43—104. Cf. II, 286.

²⁾ F. 84 сл.

³⁾ Pereira, Susneyos II, 374.

⁴⁾ F. 88 sq.

⁵⁾ Basset, Chronique Éthiop. fol. 29 (Z. As. VII, p. 345 переводъ Basset: „fut enterrée à Janfaqarà”—ненужень).

Такова внешняя обстановка монашескихъ подвиговъ святой. Сами они имѣли цѣлью и результатомъ не только объединеніе вѣрныхъ ревнителей родной вѣры и организацію протеста противъ уніи, но и устройство новыхъ монашескихъ общежитій, въ которыхъ, какъ и вездѣ въ эоіонской церкви, находили себѣ доступъ лица обоего пола. Къ какому уставу примкнули эти общины? Житіе говорить о семи монастыряхъ, основанныхъ святою: Жебай, Ченква, Мецлэ, Загэ, Дамбоза, Афръ-Фарасъ, Замболь. Кромѣ первого, всѣ они помѣщаются или на островахъ, или на берегахъ озера Цана; кромѣ нихъ упоминаются и другіе пункты дѣятельности Валатта-Петресъ, локализуемые тамъ же (Рема, Бизабъ, Жанъ-Факара, Куарца и др.). Монашество здѣсь насаждено не впервые ею; изъ житія видно, что святую пригласили туда монахи авва Ямана съ о-ва Рема, авва Тазкара-Денгель съ о-ва Цана, посланные уже известнымъ намъ Фатла-Селасе (f. 14). Есть въ житіи и другіе намеки на то же; кромѣ того, изъ другихъ источниковъ намъ известно о существованіи обителей на островахъ озера. Между прочимъ и въ той же хроникѣ Сисиннія¹⁾ мы читаемъ предѣ исторіей собора, относящагося къ 13-му году его царствованія, приведенной нами: „когда находился царь въ землѣ Фогара, онъ отправился на островъ Цана, который онъ самъ отстроилъ послѣ того, какъ прежнее зданіе обветшало и разрушилось. И онъ перемѣнилъ въ этотъ зимній мѣсяцъ прежнее имя табота, который былъ наименованъ во имя Кирика; онъ повелѣлъ возложить вместо него таботъ Іисуса, Спасителя всѣхъ. И видѣлъ онъ красоту постройки церкви и всѣ ея книги, богослужебную утварь и золотыя чаши, которыя по-жертвовали его отцы, цари, его предшественники. Ночью онъ слушалъ обѣдню и пріобщался таинства тѣла и крови Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и этотъ день провелъ на

¹⁾ Cap. 58, 543—557.

этомъ островѣ Цана. На другой день, вставъ, онъ сѣлъ въ лодку и посѣтилъ островъ Мецлэ, и осматривалъ тамъ церковь и всѣ жилища монаховъ, и вернулся въ свой станъ въ Фогарѣ²⁾. На этомъ же островѣ Мецлэ святой пришлось, какъ мы знаемъ, имѣть дѣло съ монахами, „которые пребывали въ вѣрѣ франкской“ (f. 56—57). При перенесеніи государственного центра въ Гондаръ, конечно, приозерные монастыри, какъ наиболѣе близкіе ко двору, сдѣлялись предметомъ особыхъ заботъ царей, подобно тому, какъ въ предшествующіе вѣка такимъ же вниманіемъ пользовалась Дабра-Либаносская обитель. Послѣдняя, конечно, и теперь ничего не потеряла отъ перенесенія столицы, она была слишкомъ священна и почтена, къ тому же озерныя обители отъ нея зависѣли и принадлежали къ ея уставу. На это мы имѣемъ указаніе въ самомъ житіи. Не говоря уже о томъ, что Валатта-Петросъ полагала начало своихъ подвиговъ въ Вальдеба и, такимъ образомъ, сразу вступила въ добра-либаносское братство, она между прочимъ, въ своихъ правилахъ ссылалась на то, что „заповѣдано въ дѣяніяхъ отца нашего Яфкарана-Эгзіэ“ (f. 61). Кто былъ этотъ авва? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ родословной добра-либаносского монашества: Яфкарана-Эгзіэ изъ Гуагубенъ (Губень) возводится къ тому же Мадханина-Эгзіэ, ученику Такла-Хайманота, что и Самуилъ Вальдебскій¹⁾. Гуагубенъ или Гугубенъ — это гора на восточномъ берегу озера Цана (д. 11°51'; ш. 37°32')²⁾, т.-е. въ самой мѣстности нашего повѣствованія. Вспомнимъ при этомъ, что въ уже приведенномъ нами по другому случаю мѣсть хроники, заселеніе Цана и Бегамедра добра-либаносскими монахами приводится въ связь съ „гоненіемъ“ Амда-Сиона, и обратимъ на конецъ вниманіе на то, что по поводу кончины 57 монаховъ

¹⁾ Рукопись Bibl. Nat. fon. éth. № 160, f. 1 по Basset, Les apocryphes Éthiop. VIII, 16.

²⁾ d'Abbadie, Géodésie, 250 по Pereira, Susneyos II, 501.

на Загэ отъ одного изъ частыхъ моровыхъ повѣтрій, говорится въ житії ¹⁾: „и они скончали подвигъ свой, и вошли въ царствіе небесное, какъ обѣщалъ Богъ отцу нашему Такла-Хайманоту, говоря: „если умрутъ чада твои отъ мора, я причту ихъ къ мученикамъ и передамъ ихъ тебѣ въ царствіи небесномъ“. Это обѣтованіе мы уже имѣли случай приводить при разборѣ добра-либаносскаго житія Такла-Хайманота ²⁾). Такимъ образомъ Такла-Хайманотъ и его ученикъ Яфкарана-Эгзіә считались отцами какъ древнихъ, такъ и новыхъ приозерныхъ общежитій; ихъ житія читались и были настольными книгами у ихъ монаховъ. О смерти мамхера Ямана-Крестоса, м. б. современного добра-либаносскаго архимандрита, въ центрѣ конгрегації, послѣдніе увѣдомляются специальнымъ посольствомъ. И дѣйствительно, уставъ, который вводила святая въ своихъ общинахъ, былъ строго общежитітельный (f. 75 сл.); на содержаніе ихъ она, подобно древнимъ аксумскимъ святымъ, принимала отъ царей вклады (f. 92).

Величественный образъ убѣжденной подвижницы, энергичной созидательницы семи большихъ монашескихъ общежитій, твердой исповѣдницы національной вѣры, къ сожалѣнію много теряетъ при мысли о томъ, что исходной точкой ея протеста было не то, чего бы мы ожидали. Во всей длинной исторіи ея страданій и борьбы мы ни разу не встрѣтимъ даже имени Рима и папы; все дѣло продолжаетъ вращаться вокругъ „православной вѣры Діоскора“ и „нечистой вѣры Льва“, какъ будто оно происходило не въ XVII, а въ V вѣкѣ. Унія страшна не папизмомъ, а тѣмъ, что „Христостъ — два естества послѣ того, какъ Онъ соединился, и сталъ совершеннымъ человѣкомъ“ (f. 25). Такимъ образомъ борьба Валатта-Петросъ противъ пропаганды, въ сущности, есть борьба противъ право-

¹⁾ f. 63.

²⁾ См. стр. 91 сл.

славія; она еще разъ доказываетъ самымъ нагляднымъ образомъ, каковы могутъ быть отношенія абиссиновъ къ православной церкви, въ случаѣ ихъ близкаго знакомства съ нею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все это рисуетъ предъ нами отсталость эѳіопскихъ грамотеевъ, все еще въ XVII вѣкѣ продолжавшихъ считаться съ условіями эпизода Халкідонскаго собора и потерявшими изъ вида церковную исторію христіанскаго міра. Страшно подумать, до какихъ ужасныхъ проявлений можетъ доходить изувѣрство невѣжественныхъ фанатиковъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о личности Богочеловѣка. Напре удивленіе къ стойкости эѳіопской церкви противъ іезуитовъ, наше сочувствіе ея побѣдѣ и освобожденію отъ римского ярма не вольно получаетъ значительное ограниченіе, при мысли, что борьба велась не во имя здоровой религіозной идеи, даже не во имя національного чувства, а изъ-за еретического буквоЯдства и фанатического изувѣрства, осудившихъ несчастную страну на вѣковыя смуты и сопряженныя съ ними пагубныя послѣдствія.

Еще болѣе тягостное впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста житія, въ которыхъ прорывается слишкомъ, къ сожалѣнію, известная магическая сторона эѳіопскаго христіанства. Завѣщеніе монаха Малька-Крестоса о чтеніи Евангелія отъ Іоанна (f. 36) объясняетъ намъ обиліе списковъ этой части Нового Завѣта во всѣхъ библіотекахъ, гдѣ есть эѳіопскія рукописи. Акаѳистъ въ честь святой (Malk'a) считается имѣющимъ магическую силу наравнѣ съ известной съ этой стороны „голгоѳской молитвой“ — его носятъ на шеѣ, какъ талисманъ и читаютъ ежедневно для избавленія отъ напастей (f. 112 и 113).

При всемъ этомъ, житіе Валатта-Петросъ принадлежитъ къ числу интереснейшихъ памятниковъ эѳіопской письменности. Оно знакомитъ насъ съ тѣми сторонами церковно-общественной жизни несчастной страны, которыя не могли найти себѣ мѣста въ другихъ источникахъ, оно проливаетъ свѣтъ

и на такія стороны абиссинской жизни, изображать которых не входило въ задачу официальныхъ хроникъ. Можно долго говорить о его важности для историка и останавливаться на тѣхъ или другихъ фактахъ, которые оно даетъ; это мы считаемъ излишнимъ: занимающійся важной эпохой римской пропаганды въ Абиссиніи, изучая его, самъ увидитъ, какими интересными данными оно его можетъ снабдить и оѣнить его, какъ крупное дополненіе къ пространной хроникѣ царя Сисиннія. Упомянемъ еще о томъ, что по словамъ d'Abbadie¹⁾, память о герояхъ монофиситства до сихъ поръ живетъ среди приозерного населения. Въ Куараца, которое онъ называетъ наиболѣе населеннымъ городомъ страны (12 т. ж.) есть церковь въ честь ея; жители считаютъ ее своей покровительницей, называя сокращенно Walatti. D'Abbadie говоритъ кромѣ того, что она часто переходила съ мѣста на мѣсто изъ-за лихорадокъ, которыхъ часты въ этой сырой мѣстности. Въ житіи указываются и другія причины этихъ частыхъ переходовъ; кромѣ того, моровыя повѣтря обусловливаются, вѣроятно, не только климатомъ, но и пагубными послѣствіями войнъ, свирѣпствовавшихъ въ то время именно въ этихъ мѣстахъ.

На сколько данное житіе интересно и важно въ бытовомъ отношеніи, мы уже отчасти имѣемъ случай указывать. Обратимъ еще вниманіе на аскетические подвиги Бахръ-Сагада, отца святой, который былъ міряниномъ и вельможей. Наконецъ нельзя не отмѣтить высокаго положенія Валатта-Петросъ среди духовнаго міра ея времени. Очевидно, ея полъ не считался препятствиемъ къ этому; протесты въ этомъ смыслѣ если и раздавались, то не съ авторитетной стороны. Здѣсь мы имѣемъ наглядное доказательство благотворнаго вліянія церкви на взглядъ абиссиновъ на женщину, которая, какъ ея служительница и

¹⁾ Catalogue raisonné № 88 (p. 99 sq.).

святая представляется, въ предѣлахъ возможнаго, вполнѣ равноправной женщинѣ.

Въ оксфордскомъ синаксарѣ подъ 26 магабита (22 марта) помѣщено на первомъ мѣстѣ житіе уже известной намъ со-подвижницы Валатта-Петросъ „матери нашей святой, благословленной и избранной Эхта-Крестосъ, монахини эзопской“¹⁾. Въ другихъ синаксаряхъ его нѣть вслѣдствіе поздней даты ея жизни и прославленія, сравнительно съ временемъ написанія ихъ. Въ концѣ рукописи житія Валатта-Петросъ у Аббади имѣются „стихи въ честь Эхта-Крестосъ“ на 5 листахъ²⁾.

Царь Ioannъ I.

Послѣднимъ по времени изъ известныхъ намъ святыхъ эзопской церкви можно считать царя Ioanna I (1667—1682). Его житіе по геттингенскому и тюбингенскому спискамъ синаксаря, где оно помѣщено подъ 15 хамлѣ (9-го июля) сообщилъ въ переводѣ Duensing³⁾. Оно является интереснымъ добавленіемъ къ сухому погодному списку войнъ и церковныхъ событий въ хроникѣ. Но вопросъ, насколько достовѣрны его показанія? Мы не будемъ говорить о свидѣтельствахъ въ пользу благочестія и добродѣтелей царя, въ пользу его справедливости и ревности къ созиданію храмовъ: безъ этихъ чертъ онъ бы не нашелъ себѣ мѣста въ синаксарѣ. Но послѣдній намекаетъ и на политическія события. Что значитъ: „онъ простиль подати и уничтожилъ долговыя обязательства людямъ своего царства, которые долго были въ утѣсненіи и

¹⁾ Dillmann, Catal. Bodl. p. 56.

²⁾ d'Abbadie, Catal. rais., p. 100.

³⁾ Liefert d. äthiop. Synaxar etc., p. 43—46.

нуждѣ вслѣдствіе пожара, произведенаго Асфадиномъ. Затѣмъ онъ уничтожилъ хацѣ (князя) Коло, сидѣвшаго въ церквяхъ и монастыряхъ¹⁾? Едва ли здѣсь имѣется въ виду Асфадинъ, уговорившій азмача Такло помочь царю Сарда-Денгелю противъ Хамальмала¹⁾. Очевидно предъ нами какія-то два событія изъ нескончаемой серіи смутъ, не занесенные въ лѣтописи²⁾, но непонятныя для насъ вслѣдствіе краткости упоминанія. Гораздо подробнѣе агібіографъ говоритъ о событіяхъ церковнаго характера. Вмѣстѣ съ лѣтописцемъ онъ отмѣчаетъ фактъ окончательнаго изгнанія изъ Абиссиніи „еретическихъ франковъ“, но вмѣсто разскaza о соборѣ 1681 г. и происшедшемъ на немъ диспутѣ Акала-Крестоса и Николая, онъ передаетъ о соборѣ въ Аринго, на которомъ былъ осужденъ и побитъ камнями какой-то эзопскій уроженецъ³⁾ по имени Багб-Крестосъ, „который, отвергалъ Господа нашего Іисуса Христа и приписывалъ Ему два естества. Онъ былъ воспитанъ въ учениіи этихъ еретическихъ франковъ и слѣдовалъ ихъ стопамъ“. Когда православный царь Иоаннъ узналъ объ его ереси, собралъ іереевъ и епископовъ, пустынниковъ и монаховъ. Когда они сошлись, составили соборъ, позвали этого еретика и представили ему свидѣтельства словами писанія, что Христосъ не во двою естеству: „онъ единъ съ плотію, воспринятою отъ Владычицы нашей Дѣви Маріи“, и сказали ему: „обратись отъ своего заблужденія и твоей неправой мысли“. Когда онъ не послушался и не обратился отъ своей ереси, они побили его камнями въ землѣ Аринго“. Едва ли здѣсь имѣется въ виду диспутъ Николая съ Акала-Крестосомъ, какъ полагаетъ Duensing. Диспутъ этотъ происходитъ въ Гон-

¹⁾ Pereira, Susenyos, II, 584.

²⁾ Кромѣ краткой редакціи хроники Basset, см. Perruchon, Notes pour l'histoire d'Ethiopie. Le regne de Johannes I. *Revue S閙itique* VII, 167—176.

³⁾ Въ противоположность только-что упомянутымъ франкамъ.

дарѣ, а не въ Аринго, не имѣль повидимому рокового исхода для Акала-Крестоса, къ тому же послѣдній былъ на немъ не только не діофиситомъ, а напротивъ — представителемъ крайняго монофиситскаго направленія. Другой аналогичный случай произошелъ, по словамъ житія, еще въ странѣ Муй. На этотъ разъ осужденнымъ и побитымъ камнями былъ „Іосифъ-Франкъ, еретикъ, приписывавшій Христу два естества. Онъ не открывалъ никому своей ереси, но называлъ себя митрополитомъ и говорилъ: „я посланъ патріархомъ іерусалимскимъ“. Когда онъ прибылъ въ станъ праведнаго царя, Богъ не позволилъ ему губить христіанъ своею ересью. Онъ побудилъ священниковъ стана и царя испытать его вѣру. Когда они спросили его о вѣрѣ, обнаружилась его ересь, и они побили его и его брата камнами въ городѣ Муи, въ провинціи Диберъ, принадлежащей къ Бегамедру... Камень еще и теперь тамъ, ибо была большая куча“. Это странное извѣстіе, какъ и предыдущее, не подтверждается лѣтописями. Кѣмъ могъ быть „Франкъ Іосифъ“? Прежде всего, конечно, можно въ немъ видѣть носителя новаго покушенія латинянъ на эзопскую церковь, не сохраненного въ памятникахъ, но отмѣченаго въ лѣтописяхъ, а также въ нашемъ житіи въ видѣ простого намека объ „изгнаніи франковъ“. Въ такомъ случаѣ и недоумѣніе Bassе о томъ, что это за франки¹⁾, находить разрѣшеніе: новый „патріархъ“, присланный или поставленный на място Альфонса, является на аудіенцію къ царю по вступленію его на престолъ. Но тогда непонятна ссылка на іерусалимскаго патріарха. Въ то время латинскихъ патріарховъ въ Іерусалимѣ еще не было. Нельзя ли предполагать, что Іосифъ названъ „франкомъ“ не для обозначенія національности, а какъ „приписывавшій Христу два естества“. Не былъ ли онъ православнымъ палестинскимъ монахомъ, попавшимъ въ

¹⁾ Études etc. note 301.

Абиссинію подобно тому, какъ въ 1622 году это случилось съ синайскимъ монахомъ, который выдавалъ себя за посланца александрийского патріарха? ¹⁾.

Итакъ, эти извѣстія житія не могутъ быть нами ни при-
няты, ни отвергнуты. Кроме нихъ есть еще интересная замѣтка
о томъ, что царь Иоаннъ многія племена страны Аговъ „обра-
тилъ ко Господу нашему Іисусу Христу, крестилъ ихъ хри-
стіанскимъ, крещеніемъ и выстроилъ имъ церкви въ каждомъ
городѣ“. Дѣйствительно, еще Альмейда описываетъ племя
Аговъ, какъ настоящихъ язычниковъ, крайне преданныхъ фе-
тишизму, почитающихъ творца неба Добана, а также источ-
ники, нѣкоторые роды травъ и деревьевъ, и приносящихъ имъ
въ жертву коровъ ²⁾... Bruce во время своего пребыванія у
этого народа даже видѣлъ, какъ они приносятъ корову въ
жертву истокамъ Нила; онъ говоритъ, что по убѣжденіямъ
іезуитовъ, еще Села-Крестосъ построилъ на этомъ самомъ
священномъ для язычниковъ мѣстѣ (обычный пріемъ латин-
скихъ миссій) церковь во имя Архангела Михаила, которая
при Bruce стояла запертої и, какъ онъ полагаетъ, не откры-
валась со времени своего основателя ³⁾. Синаксарное житіе
заканчивается замѣткой о перенесеніи мощей „въ другое
мѣсто“, причемъ было слышно благоуханіе. „Тамъ оно и
теперь, причемъ изъ гроба истекаютъ многія знаменія и чудеса“. Извѣстіе о перенесеніи мощей находится въ хроникѣ,
изданной Perruchon ⁴⁾, гдѣ на поляхъ противъ словъ: „скон-
чался въ Гондарѣ 15-го хамлѣ и былъ погребенъ въ Цадда“,
стоитъ: „его тѣло взяли съ этого мѣста и помѣстили въ
Мецрахѣ въ новомъ сооруженіи“. Мецраха — одинъ изъ
острововъ на озерѣ Цана.

¹⁾ Pereira, Susenyos, cap. 68.

²⁾ Pereira, Susenyos, II, 382 sq.

³⁾ Bruce, Voyage aus sources du Nil, IX, 389—398.

⁴⁾ Revue Smitique, VII, 172.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы разсмотрѣли болѣе или менѣе подробно до 25 житій
святыхъ эзопской церкви, краткихъ и пространныхъ. Обнимая
собою почти двѣнадцать вѣковъ абиссинского христіанства,
они далеко не заключаютъ въ себѣ всего агіологического ма-
теріала своей церкви и даже той его части, которая имѣется
въ Европѣ. Если, тѣмъ не менѣе, мы находимъ возможнымъ
уже теперь подвести итоги нашей работѣ и сдѣлать нѣкоторыя
замѣчанія общаго характера, то право на это намъ даетъ
свойство матеріала, на которомъ мы основываемся. Онъ заклю-
чаетъ въ себѣ жизнеописанія святыхъ, наиболѣе чтимыхъ и
оставившихъ болѣе замѣтные слѣды въ исторіи страны; это—
житія особенно охотно переписываемыя и читаемыя, пользую-
щіяся наибольшимъ распространеніемъ, а потому до извѣстной
степени типичныя.

Интересъ и важность житій туземныхъ святыхъ не подле-
житъ сомнѣнію уже a priori потому, что они представляютъ
произведенія національной литературы. Для изслѣдователя
эзопской письменности это положеніе имѣетъ особое зна-
ченіе, такъ какъ матеріалъ, подлежащій его изученію;
главной своей массой состоитъ изъ переводовъ; житія, на ряду
съ національными лѣтописями и произведеніями церковной